

АНТОН КРАСНОВ

Белый Пилигрим

Белый, белый! Совсем белый!

Антон Краснов

Белый Пилигрим

OCR Fenzin

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129605

Краснов А. Белый Пилигрим: Фантастический роман: АРМАДА:

«Издательство Альфа-книга»; М.; 2005

ISBN 5-93556-557-9

Аннотация

Неисповедимы пути Господни. Особенно если в роли бога выступает Белый Пилигрим, создатель древнего и бестолкового мира Мифополосы. О таком боге и таком мире никогда не слышали Илья Винниченко и его друг Макар Телятников, да и незачем было. Но когда на кону – твоя судьба и тайна смерти близкого человека, то нырнешь и не в такой мутный омут, как Мифополоса, мир переменчивого Белого Пилигрима! Казалось бы, все фигуры в сложной игре расставлены: «Враг есть враг, и война все равно есть война», как поется в песне. Казалось бы, главный злодей очевиден – коварный маг со смехотворным именем Гаппонк, повелевающий, однако, отнюдь не смехотворными силами. Но не тут-то было! Ведь зло, как и разгадка, таится куда ближе, чем думает главный герой, и для этого придется узнать, КТО же таков этот Белый Пилигрим, демиург Мифополосы...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ЛИРИЧЕСКАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ, РОКОВАЯ	53
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, ДЕТЕКТИВНАЯ	90
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Антон КРАСНОВ

БЕЛЫЙ ПИЛИГРИМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ЛИРИЧЕСКАЯ

Два болвана и три диковины

1

– Винни-и-и!..

После того как Макарка заявил, что рожки, выросшие на голове моей племянницы Нинки, суть переизбыток кальция в организме и сопряженное с этим *флуктуативное* явление выброса вещества (он не договорил), я выбросил его из окна второго этажа. У-ух! Эта жирная скотина угодила в вишеник, переломала несколько кустов акации. А потом несколько раз перекатилась с боку на бок по аккуратным кустикам пионов, которые высаживала в палисаднике наша добрая соседка тетя Глаша по кличке Лысая Мясорубка. Макарка встал, несколько раз жалобно шмыгнул носом, разглядывая испакощенную футболку, и пошел за портвейном. Раз уж я сопровождал его в магазин таким нестандартным способом. Именно за портвейном, а не за водкой, потому что на

последнюю у нас решительно не хватало денег. Собственно, у нас не хватало денег и на портвейн, но это – другое. Когда не хватает денег на водку, это явление угрюмо-бытовое, а вот нехватка финансов на портвейн «72» или же «777», в просторечии «три топора», – метафизическое. По мнению всех университетских пьяниц, если у человека хватает денег на портвейн вдруг и сразу, то он недостойн вкушать сей напиток.

Стоп, стоп!.. Я увлекся предметом, имеющим к нашему повествованию хоть и самое прямое отношение, но не заслоняющим тех прискорбных событий, которые развернулись не где-нибудь, а у меня дома, на моих честных тридцати девяти метрах полезной площади! Да!.. Когда я расскажу, то конечно, вы скажете, что я выжил из ума в свои неполные двадцать три. И подобное случалось. К примеру, такой замечательный деятель мировой культуры, как Сократ, при жизни считался несносным желчным старикашкой и отъявленным пьяницей к тому же. За что неоднократно был бит собственной женой Ксантиппой. И если он вел себя таким милым манером уже в преклонные годы, то что же он делал в моем неоперившемся возрасте? Неудивительно, что древнегреческие источники об этом умалчивают с максимальной стыдливостью.

Правда, и вино в Древней Греции, верно, было существенно лучше, чем то, которое приволок через четверть часа после своего неуклюжего падения в палисадник мой приятель

Макарка. Хотя и говорят, что древние греки самым возмутительным образом разбавляли вино водой. И в таком испорченном виде употребляли.

Прежде чем откупорить хотя бы одну из трех принесенных Макаром бутылок, хочу немного рассказать о себе. Меня зовут Илья Винниченко. Макарка, он же Макар Телятников, именует меня Винни, из-за чего порой я несказанно злюсь (бывает). Что же касается моих жизненных пристрастий и склонностей, то с некоторых пор я не стыжусь сказать: я – прирожденный неудачник. Практически профессионал. Нет, не то чтобы я получил образование в какой-то школе неудачников, или колледже недотеп, или даже академии лузеров. Впрочем, уверен, что, буде такие учебные заведения утверждены, они немедленно пополнились бы мною и Макаркою, который в смысле невезения, хронического, как весенне-осенний насморк, еще похлеще меня. Я даже полагаю, что нам с Макаркою удалось бы окончить там первый курс, с чем нас и выгнали бы. Неудачники!..

Если же об образовании серьезно, то я – журналист-недочка. Это надо же было зарекомендовать себя в университете таким прекрасным образом, чтобы тебя выгнали с пятого курса непосредственно перед защитой диплома, а декан, железный человек с каменными челюстями (вот такое железобетонное строение!), даже прослезился от радости, когда увидел наконец в списке отчисленных две фамилии: ВИННИЧЕНКО Илья, ТЕЛЯТНИКОВ Макар.

Деканат ликовал. Преподаватели пели и танцевали джигу, а препод по зарубежной литературе, бывший в жестокой за-вязке, в тот же день напился и заснул на лестнице прямо под списком отчисленных. Нежно прижимая к себе, как люби-мую женщину, «Женитьбу Фигаро» Бомарше с вырванными пятью первыми страницами.

Жизнь вносила свои коррективы не только в перечень из-гнанных из С-ского госуниверситета. Да уж! Будучи позор-но отчисленными, мы с Макаром попытались преуспеть на другой стезе. В частности, я попытался разобраться в сво-ей личной жизни, в которой царил не меньший беспорядок, чем в моих учебных конспектах, выкинутых в мусорное вед-ро за ненадобностью. Личная жизнь... Это словосочетание с некоторых пор ассоциируется у меня с чем-то вроде мято-го плавленого сырка, который забыли в кармане, мяли-мяли, мяли-мяли, а потом извлекли... Впрочем, меня снова зано-сит не туда. Итак. В доме напротив меня жила с мамой пре-красная девушка. Собственно, почему «жила»? Она и сей-час там живет, вот только добраться до ее дома для меня те-перь ненамного проще, чем до Марса. Девушку звали Лена. Лена Лескова, если вместе с фамилией, почти классической такой фамилией. В свое время, когда она была совсем юной и только-только поступила в наш университет (я, так пони-маете, там еще учился), ее угораздило в меня влюбиться. У нее вообще были своеобразные пристрастия: в четыре года она была влюблена в асфальтоукладочный каток, в пять – в

водителя этого катка, в семь Леночка влюбилась в маляра Куваева, в восемнадцать – в меня...

Последнее ее чувство оказалось даже более устойчивым, чем любовь к асфальтовому катку. Вы пробовали опрокинуть асфальтовый каток?.. Вот то-то и оно. Леночка убедила себя в том, что лучший человек на земле не кто иной, как я. Хотя я вел себя как скотина и, собственно, продолжал делать это уже и тогда, когда мы с год жили вместе в одной квартире. В один прекрасный день она ушла. Другой бы сказал: «Никогда не забуду ее широко распахнутых влажных глаз, во взгляде которых прихотливо слились любовь ко мне и ненависть ко всему тому, во что я превратил ее жизнь; не забуду ее тонких трепетных рук, которыми она пережимала чемодан, укладывая туда свои вещи...» К таким описаниям полагается прикладывать несколько дежурных малодушных вздохов из серии «вот если бы я!..» или «как бы вернуть то время, когда!..» В моем случае такого не было. Я смотрел на нее осоловевшими глазами человека, который вторую неделю отмечал свое двадцатидвухлетие. Она постояла у порога, наверно еще надеясь, что я остановлю ее, вырву из ее рук этот мерзкий чемодан, под тяжестью которого она вся изогнулась, побелела... Или чемодан тут ни при чем? Я ДАЖЕ НЕ ВСТАЛ С ДИВАНА. Я открыл рот, зевнул и сказал что-то о том, что, перед тем как убираться самой, убралась бы на кухне. И что это совершеннейшее свинство бросать меня вот так, на диване, и вообще...

Она хлопнула дверью.

Нельзя сказать, что мы с Макаркой и еще некоторыми моими друзьями тогда выпивали много. Или даже пили. Или вообще бухали. Вовсе нет. Пьянство было вполне среднестатистическим, правда, отягощенным филологическим образованием и декадентскими штучками вроде выдавания себя за Росинанта, коня Дон Кихота, в три часа ночи. Либо хождением за продуктами (три водки, пять литров пива и пачка сосисок – зачем так много сосисок?) в женском платье и в туфлях с расшатанными каблуками. Конечно, Ленкино терпение лопнуло, хотя оно всегда и было безразмерным. А ведь совсем недавно меня уговаривали жениться на ней, жить в квартире, которую оставила мне бабушка. Хорошая такая квартира, двухкомнатная, довольно опрятная, хотя и запустил я ее изрядно. И из окна которой только что выкинул Макарку, да. Говорила и сестра, говорили и родители, и даже некоторые из друзей: женись! Человеком станешь, окончишь университет, поступишь на работу, заведешь ребенка. Словом, впихивали мне в мозг тот уныло-бытовой перечень, который я, помнится, высокомерно считал запущенным мешанством и скукой смертной. Без чего не могу прожить сейчас, но, кажется, уже поздно. Поздно.

У меня были здравые порывы примириться с Ленкой. Это, правда, осложнялось тем, что ее матушка, своеобразная такая женщина, считала меня скотиной, негодяем, ничтожеством, которое сломало бы жизнь ее дочери, если бы та во-

время не ушла. Все эти эпитеты были одушевлены той экспрессией, с какой сенатор Катон настаивал на уничтожении Карфагена, а месье де Робеспьер призывал к казни на гильотине новых и новых представителей привилегированного первого сословия, то есть дворян. Матушка Лены, Людмила Венедиктовна, оберегала дочь от моих возможных набегов по всем фронтам: так, ею контролировался домашний телефон, домофон и дверной звонок. Еще есть рабочий телефон, спросите вы. Да, есть! Как же! В фирме, где работала Лена, секретарскую нишу занимала близкая подруга ее матушки, отъявленная мегера, четко стоявшая на той позиции, что все мужики сволочи. Все звонки в фирму шли через нее, так что тут ловить было нечего.

Попытка примирения закончилась достаточно позорно, хотя начиналась куда как многообещающе. Мне удалось найти брешь в оборонных редутах Людмилы Венедиктовны и позвонить Лене на работу так, чтобы обойти зверовидную секретаршу. Она взяла трубку:

– Да.

– Лена, это я, – начало было не очень уверенным, а то молчание, которое последовало в трубке после этих моих вводных слов, тоже не настраивало на оптимистический лад. – Лена, я хотел...

– Я же, кажется, просила тебя не звонить... Илюша.

Это «Илюша» вдруг вдохнуло в меня новые силы. Она могла бы ограничиться холодным канцеляризмом «Илья»

или вообще не обращаться ко мне напрямую. Или просто молчать и молча же положить трубку, и тогда, каюсь, я не осмелился бы позвонить снова. Но она назвала меня Илюшей. Я кашлянул и стал говорить глуховатым, чуть сдавленным и чуть в нос голосом:

– Лена, мне сегодня нужно тебя видеть. Сегодня, в семь часов, на набережной. Ты не опоздаешь? (Она опаздывала очень часто.)

– Это ты опоздал, – сказала она. В голосе не было ни агрессии, ни упрёка. Только – усталость. Я затараторил:

– Лена, если тебя не устраивает время и место, тогда можно у здания консерватории в восемь или даже в девять у...

Не знаю, что такое она услышала в моем голосе, но вдруг согласилась на последнее предложение, которое «в девять у...». Не надо ей было соглашаться. Не надо?.. Ну конечно, она же давала мне повод думать, что все еще может быть налажено, что эти неурядицы, навлеченные на нас моим идиотским поведением (да и она была порой хороша!), могут быть преодолены. Задавлены, забыты. Что все будет хорошо.

Она согласилась, мы договорились. Я положил трубку, и в горле заворочался колючий тяжелый комок. Неужели еще не поздно и сегодняшняя встреча может все изменить?.. Я прошелся по квартире раз и другой, в голове шумело и путалось, иплыли перед глазами какие-то веселые пятна с мутной радужной окантовкой. Тук-тук. Тук-тук. Я взглянул на мобильный: 15.48. Еще больше пяти часов до того, как я

увидю ее. Не так давно я нагло лежал на диване, когда она уходила от меня, увлакивая огромный, неподъемный для нее чемодан. И только теперь, вот сейчас, когда это бессознательное опьянение собственной безнаказанностью – тогда, тогда! – прошло, я увидел воочию, как это было на самом деле: она захлопывает за собой дверь, по щекам текут слезы, чемодан рвется из руки. Она делает шаг и другой вниз по лестнице, оборачивается и беспомощно смотрит на дверцы лифта, отключенного еще на прошлой неделе... На пятой ступеньке чемодан вырывается из рук и скатывается вниз, на заплыванную моими же приятелями лестничную площадку. Она смотрит, смотрит... Чемодан падает, лопаются ремни, и высыпаются ее вещи, ее юбочки и платья, все эти коробочки, флакончики и тюбики, которых так много у девушек и в которых мы, мужчины, ни хрена не понимаем. Вещи рассыпаются среди нескольких небрежно брошенных пустых бутылок, вывернутых упаковок из-под крабового мяса и сморщенной упаковки сока, из которого натекла грязноватая лужица... Она смотрит. Еще вчера здесь ждали нас обоих мои друзья. Стояли возле квартиры вот тут, одним пролетом ниже. Насвинничали. Она берет руками за виски и, не отрывая пальцев от головы и растрепанных волос, медленно спускается по ступенькам и начинает собирать свои вещи. И стучит в ее голове метроном, отсчитывая последние мгновения того времени, в течение которого она еще СМОЖЕТ ПРОСТИТЬ меня.

Плохо помню, как я выждал те часы, что отделяли меня от встречи с Леной. Первый час я метался по квартире, не находя себе места. Я прикладывал руку к сердцу и считал, сколько ударов за минуту... Семьдесят восемь. Я подбегаю к окну, из которого видно ее окна, и думаю, что вот сейчас она пойдет с работы домой, чтобы подготовиться к свиданию, в девять часов, у... Восемьдесят три. Мне кажется, что это она, она в каждой девушке, которая идет по улице по направлению к ее подъезду. Восемьдесят семь! Мне показалось, что из машины, подкатившей к ее дому, белой «ауди», выходит Лена. Неужели? А почему нет? Ведь мы расстались полгода как, и в этот срок уложилось столь многое. Сто три удара!.. Девушка стоит у машины и ждет, и только потом оборачивается, и я щурю глаза и отхожу от подоконника, потому что это – не она.

Как мы ценим то, что теряем! Еще недавно мог позволить себе то, о чем сейчас даже стыдно подумать, и все потому, что она уже не моя. Не моя?.. Вот еще посмотрим! Веселая злость наполняет меня, сердце перестает скакать, как накрытая ладонью взъерошенная маленькая птица, и я иду к холодильнику, наливаю себе сто граммов водки и выпиваю единым махом. Кровь весело и зло устремляется по жилам. Я уже могу позволить себе роскошь отвлечься от сегодняшнего свидания с Леной, ведь в конце концов еще только шесть часов. Я вспоминаю о том, что сестра должна отдать мне на недельку свою маленькую дочку Нинку, потому что она сама

с мужем уезжает на отдых. Куда? Кажется, в Египет. Или в Чехию. Гм... Чехию. А ведь я так и не свозил Ленку в Чехию, хотя у меня и бывали довольно крупные, хотя и крайне неравномерные, заработки. А— обещал!.. Да что же, ведь еще не поздно, ведь еще поедем, и я скажу ей об этом прямо сегодня! Я сел к компу, вошел в Инет, набрал в поисковике фразу «Тур на двоих в Чехию». Так... Так... От 283 евро на человека. А тут предложение – 800 евро на двоих, с полупансионом. А здесь – ВВ: «все включено», all inclusive. Горящие туры... гм... Деньги.

Деньги.

Я стукнул ладонью прямо по клавиатуре так, что к двум уже западающим клавишам, кажется, прибавятся еще три. Не меньше. Придется покупать новую. Деньги... Денег нет. Только сейчас в мою непутевую голову, невесть чем занятую, пришло простое бытовое наблюдение: чтобы говорить с девушкой о чем-то серьезном, не мешало бы иметь в кармане определенную сумму. Ведь не сидеть же на парапете или на лавочке в парке, куда удобнее расположиться в кафе, пригласить в театр... и какой еще, к черту, театр?.. Я снова схватил телефонную трубку, она ужом выскакивала из влажной ладони. Набрал:

– Але! Шурик, ты? Тут вот че... Дай денег. Взаимы, понятно. А че это нет-то? Какое? Ах, все истратил на Восьмое марта? А что сегодня конец апреля, тебя как-то не того... нет? Понятно.

Следующий номер.

– Серега? Это Илюха. Как дела? С кем сидите? С Женьком? В кафешке? Ах, у него в офисе? Так даже лучше? Денег у него... Или у тебя. Гм... Сами хотели у меня занять? Да вы че, ребята, травите?! Ну-у!..

– Здорово, Макар! Илья это. В общем, без предисловий: дай денег. Сколько? Ну хотя бы штуку. Шту-ку. Тысячу рублей, не евро, понятно! Ну ладно, давай пятьсот. Ты смотри не пропей, пока я к тебе иду. Кем устроился на работу?! Уже неделю? Ну ты, Телятников, отличаешься умом и сообразительностью! Уже уволили?..

Я отправился к Макару за обещанной пятисоткой. Макар встретил меня длинной неразборчивой фразой о том, что его уволили из славного штата грузчиков крупного оптового склада. Уволили за то, что он, распив прямо на базе бутылку водки со своим напарником-стажером, принялся объяснять происхождение этнонима «узбек». Восходящего, как известно, к хану Узбеку, внуку Батыя, введшему в Золотой Орде ислам. Лекция сопровождалась возлияниями. Явившийся на вопль «узбек – это такая этноконфессиональная общность, которая... » заведующий складом, и далеко не великоросс, Мансур Тахоев немедленно уволил обоих: и просвещающего, и просвещаемого. На руки Макару дали шестьсот семьдесят рублей вместо обещанных полутора тысяч за неделю. Собственно, пятьсот из этой суммы явился занимать я. На остаток же была куплена выпивка, за поглощением ко-

торой я и застал Телятникова. Толстяк Макар сидел на кухне вместе с ментом Гошей и какой-то прыщавой девицей богемного вида в расстегнутой блузке и с размазанным ртом.

Деньги я взял сразу. Ошибкой было то, что я не ушел тотчас же после этого, а согласился на по «чуть-чуть». Растяжимость этого понятия я помнил с того времени, как учился в универе и был изгнан. Наверно, не очень твердо помнил, если поддался на заведомую провокацию. Кроме того, через час я повеселел настолько, что уверенно выговаривал Макару, читающему вслух Байрона в оригинале и размазывающему пальцем помаду на спине спящей богемной красавицы:

– Я так думаю, М-макар, что с Леной... что с Ленкой мы помиримся. А что? Нормальная девчонка. Вот женюсь. А что, на самом деле женюсь! Как деньги бу... будут, так сразу и...

– Как деньги будут, ты сначала мне отдай, а потом женись, – резонно заметил рефлектирующий гражданин Телятников, на мгновение отвлекаясь от Байрона и помады, – вот.

– Ты эти оппортунистические штучки мне брось, – обиделся я, – и вообще мне уже давно пора идти.

...На свидание я опоздал. Немного, но опоздал. Смешно, что именно на этот раз Лена пришла вовремя. С ней такое редко случается, чтоб она приходила к точно назначенному сроку, однако сегодня был как раз такой парадоксальный случай. Она стояла у парапета и глядела на воду. Я сунул в рот жвачку и, запихивая упаковку «Орбита» обратно в кар-

ман пиджака, выронил мобильный.

Она обернулась.

Не могу сказать, что я был нетрезв. Ей, кажется, хватило уже того, что от меня ощутимо пахло, и в вишневых глазах вспыхнула укоризна. Если бы я все-таки был совершенно трезв, то наверняка смог бы почувствовать то, что она до сих пор готова меня простить. Даже не алкоголь, не выпивка, нет! – а проснувшееся под воздействием этой выпивки ощущение прежней безнаказанности, того, что никуда она от меня не денется, и сгубило меня. У меня большой дар убеждения, это признают многие, но я всегда – куце и нелепо! – обращаю его во зло. Раньше я убеждал Ленку в том, что лучше меня она все равно никого не найдет. Теперь я убедил *себя* в том, что вот сейчас, в этот вечер в этом апрельском городе, – все будет решено, решено бесповоротно и удачно. Как легко, какими точными, виртуозными словами, сотканными из недомолвок и лжи, обольщал я самого себя!.. С веселой наглостью я предложил ей посидеть в кафе, ощупал в кармане жалкую мятую телятниковскую пятисотрублевку и подумал, что даже этого должно хватить, потому что с моей внешностью и подвешенным языком ничего не стоит заговорить двадцатиоднолетнюю девчонку. Заплести ей мозги, построить здание очередного прекрасного будущего, за которым только стоит протянуть руку. Лена улыбалась, кажется, устало, но – *с надеждой!*.. Теперь не знаю, как я не понял тогда, что она пришла ПРОСТИТЬСЯ.

Че, может, не будем пиво?.. Назвав пиво «конформистскими штучками», я заказал водку, курицу гриль и пакет сока. Классический набор, да?.. Я бодро опрокинул первую рюмку и наблюдал за тем, как она выпивает свою. До дна. Плохой признак. Но я снова не придал этому значения.

Пренебрегая таким ораторским элементом, как предисловие, я выложил перед ней с бухты-баракты:

– В общем, так, Ленка. Я, конечно, в чем-то повел себя не так... Но теперь хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Пони-маешь? Я многое передумал, и теперь мне кажется, что мы можем вывести наши отношения на новый уровень, – помпезно подвел я итог.

Она молчала.

– Ты, я смотрю, тоже стала лучше, – бестактно продолжал я, – вон уже и не опоздала даже. А раньше, значит...

Весь разговор приводить бессмысленно. Она не опровергала ничего из сказанного мною, не подтверждала, она говорила какие-то бледные фразы и улыбалась бледной же улыбкой. Через час такой занимательной беседы я уже мог позволить себе показательно посматривать в сторону вырядившихся в связи с апрельским гормональным бумом девиц, фланирующих мимо окон кафе. Дескать, вот я какой рискованный, не Леной единой жив... гм. Я еще успел поймать на себе ее томный взгляд, увидеть, как она переплела свои тонкие пальцы и хрустнула суставами. Какие бледные нежности и томности, подумаешь!..

В кафе она так ничего и не сказала. Позволила проводить себя сначала до подъезда, а потом до квартиры, позволила мне говорить какую-то расхристанную чушь со множеством планов на наше якобы будущее, позволила поцеловать ее в губы и обнять, притянуть к себе. И сама обвила рукой мою шею. Наверно, в этот момент мы все-таки потеряли чувство реальности: ее мобильник раз за разом надрывался от одной и той же мелодии, выставленной на входящие звонки из дома (от матери!), Лена дрожала словно от холода, а перед моими глазами все плыло. И поплыло еще больше, когда она, не снимая руки с моей шеи, не отдаляя лица (я мог чувствовать ее дыхание), сказала:

– Я тебя люблю... особенно этого и не скрываю – как сам видишь. Но, Илюша, уже поздно. Нет, не смотри на часы, я не об этом *поздно*. Ты меня мучаешь. Если бы ты хотел измениться ради меня, то уже сделал бы выводы. А так... Я сделала свой выбор. У меня есть человек. (Ах, как гулко дрогнул под ногами мертвый железобетон темного подъезда!) У меня есть человек, за которого я, скорее всего, выйду замуж. Очень скоро. Вот. Ничего удивительного. Он появился два месяца назад. Он со мной, я могу опереться на него, я знаю, что защищена, когда он со мной. Не спрашивай ничего, я сама все отвечу. Я надеюсь, что *смогу* любить его. Поэтому не мешай мне и не мучай меня.

Я сжал ее руки. Что она такое несет?.. Неуместная язвительность тотчас же заставила меня вытащить из своей глу-

пой башки цитату из классики, которыми так знатно нафаршировали мою голову на филологическом факультете:

– Ну да, понятно. «Я вас люблю, к чему лукавить, но я другому отдана, я буду век ему верна». Так, бля? Че это за тип? На «мерине», ага? Или какой-нибудь менеджер среднего звена, милый мальчик-костюмчик с окаменевшими мозгами и своим собственным понятием об этикете? Оранжевой выращенная особь, созданная для прекрасной карьеры и образцовой семьи? Ух ты! Да уж! Не, конечно, я тут никак не качу – со своими-то загонами и списком тех гадостей, которые я тебе сделал?.. Списочек аккуратно составлен заботливой мамашей. Это не она тебе звонит? Ну бери, бери!

Хамство было чистопородное, откровенное. Надо отдать ей должное, она не стала отвечать. Даже не отпрянула от меня и не возмутилась безобразной этой речью. Лена сказала:

– При чем тут мама? Если бы ты действительно *хотел*, то мама не была бы помехой. А ты держишь меня за капризную игрушку, у которой произошел какой-то сбой и она на время сбежала от хозяина. Но все равно никуда не денется. Так, да? Так вот: ты ошибся. И не держи меня, не звони мне. Если, конечно, ты в самом деле любишь меня так, как повторил за один этот вечер раз десять. Иди.

Я сглотнул.

– Я не могу тебя отпустить.

– Мне нужно домой, уже очень поздно. И вообще: все поздно. Да тебе, кажется, и друзья не советовали продолжать

со мной отношения. А ведь для тебя друзья всегда были на первом месте?.. Ну все, Илюша, не держи меня. Не надо меня обнимать. Давай я поцелую тебя в щечку.

Я возмутился:

– Какую, на хрен, щечку? Ты что, так и не поняла, что...

Небрежно сформулированная фраза так и осталась без завершения: этажом выше грохнула дверь, послышалось цоканье каблучков, и О-ОЧЕНЬ знакомый женский бас раскатился на весь подъезд:

– Опять с *тем* повелась?.. Да когда же это кончится! Только взялась за ум, вроде бы сама поняла, что эта скотина ни к чему доброму не приведет, так опять начинается!.. Ну, я сейчас!..

Весь тот максимум трусливого, малодушного и подлого, что я мог сделать, я тотчас же начисто перекрыл следующим поступком. Я выпустил из рук вздрагивающие плечи Лены и кубарем скатился вниз по лестнице, к спасительному выходу из подъезда. Оставив Лену на растерзание ее разгневанной высоконравной мамаше. В спину еще бился истовый, натруженный вопль Людмилы Венедиктовны:

– Развелось разной нечисти!!!

2

По пути домой (через дом Телятникова, которого не оказалось на месте) меня остановили какие-то милые гражда-

не, отобрали мобилу и посетовали на то, что у меня нет денег. Свои соболезнования они принесли в форме нескольких внушительных тычков ногами под ребра, а потом еще добавили по башке. Пару раз. Ума и сознательности мне это не прибавило, и, доплетшись домой, я забылся мутным, в испарине, под липнущим к телу удушливым одеялом сном. Проснулся от звонка в дверь, который принял сначала за телефонный, а потом и вовсе за сигнал будильника.

Оказалось, приехала сестра и, как уже договаривались, привезла мне племянницу Нину, чрезвычайно шуструю пятилетнюю девчонку. Да все шесть почти что. Сестра окинула взглядом мою измочаленную персону, опухшее лицо и спросила недовольно:

– Опять влетел в историю, что ли?

– А что такое? – буркнул я.

– Вся физиономия распухла.

– Флюс у меня, – пробормотал я, глядя в пол. – А ты... скоро ее забереешь?

Племянница Нинка уже успела вскарабкаться на полку в прихожей и с грохотом повалить на пол какую-то пыльную коробку, верно, уцелевшую еще от бабушкиных времен. Сестра покачала головой, оттаскивая дочь за руку, и отозвалась:

– Когда заберу? Не успела привезти, а он уже: «когда забереешь»... Да... Ты, Илюшка, за ум бы брался, а то такой здоровый балбес уже, двадцать три года на носу, а ты все еще

никак не остепенишься. Тебе бы же-ни...

Сонливость и нездоровую одутловатость сознания как рукой смахнуло. Я царапнул ногтями по стене, продирая старые обои, и буквально взвился:

– Не надо, а?! Вот этого не надо! «Жениться»! Хватит с меня!

Сестра сбавила обороты, хотя она у меня напористая. Наверно, нечасто ей приходилось видеть у меня ТАКОЕ лицо, хотя я человек вспыльчивый и импульсивный, за словом в карман не полезу. Она молча отсчитала мне деньги на содержание Нинки, потому как прекрасно знала состояние моих финансов и еще то, какой у этих финансов песенный репертуар. Уходя, сказала напоследок:

– Мы приезжаем через две недели. За Ниной либо Валера заедет, либо я сама. Или вместе. Будешь с ней гулять, следи, чтобы она смотрела под ноги, а то еще не успело толком потеплеть, а у нее уже все коленки сбиты и трое колготок продрала. И, значит, не вздумай лакать свое пиво или че покрепче, как с ней на прогулку пойдешь. Враз сбежит, ей же все интересно, до всего дело есть...

Напоследок сестра выразительно погрозила мне пальцем и ретировалась.

Нинка в самом деле была девчонкой развитой и заводной. Родители и старшая сестра утверждают, что в детстве я был примерно таким же несносным ребенком, который всех доставал и от которого хотелось выть, лезть на стену и вешать-

ся на люстре. Однажды мой дедушка, выпив, именно это и хотел сделать. Сгубило его то, что люстра не выдержала его веса и рухнула. На следующий день дедушке предстояло еще ХУДШЕЕ испытание, потому что я скопировал его суицидальные потуги и соорудил виселицу себе самому в своей собственной комнате. Интересно все-таки, зачем это дедушка совал голову в петельку и строил такие страшные гримасы!.. Бабушка сняла меня с люстры и, поняв, откуда ноги растут, провела с дедушкой профилактические занятия: долго охаживала горе-самоубийцу бельевой мешалкой и заперла в кладовке, где он просидел почти сутки.

Меня же наказали лишением сладкого.

Таким же изобретательным ребенком была и моя племянница. Природная живость усугублялась частым отсутствием родительского надзора: сестра и ее муж поздно приходили с работы, а бабушка Нинки, моя мать, была слаба здоровьем и за пылкой внучкой уж точно бы не уследила.

Меня племянница Нинка называла безо всяких там «дядей»: Илюшкой. Надо признаться, в кои-то веки я был рад, что мне отдали на пару недель эту несносную девчонку. Она уж точно не даст заикнуться на мрачных мыслях. Да и друзья побаивались ко мне заходить, когда это существо с двумя крысиными косичками носилось в моей квартире. Было отчего. Однажды Нинка придумала играть новым сотовым телефоном Шурика Артемова и утопила дорогушую модель в унитазе, а Макару Телятникову налила в рюмку стекло-

очистителя, прицепившись к пьяной фразе Макарки, что он «трезв как *стеклышко*». Такие выходки Нинки имели место с регулярностью, достойной лучшего применения.

Едва дождавшись, пока уйдет ее мать, Нинка вцепилась в меня со словами:

– А давай поиграем в лошадки-и-и!

Я тяжело вздохнул и опустился на четвереньки. С радостным криком Нинка оседлала меня и заставила скакать галопом по периметру комнаты. Особого недомогания с похмелья я с утра не испытывал, но одно дело – лежать в своей постели, держась за лоб, а другое – скакать бодрым жеребчиком и по требованию этой затейливой девчонки!.. Очень скоро я позеленел и почувствовал тошноту. Неизвестно, что было бы дальше (может, к собственной радости, я откинул бы копыта, заморенная лошадь!), не явись ко мне Макарка. Этот последний имел вид умученный и несчастный. Оказалось, его родители в кои-то веки узнали и о его исключении из университета, и о доблестных подвигах на складских помещениях при работе грузчиком. Его папа, очень суровый и очень ученый мужчина, доктор исторических наук, прочитал отпрыску строгую, громоздкую, обильно украшенную внушительными терминами лекцию. Анатолий Павлович (так звали этого ученого мужа) апеллировал к сознанию сына, которое «еще не совсем угасло, но изнемогает под бременем разгильдяйства, безответственности и злоупотребления алкоголем»). По-человечески Анатолий Павлович выразаться

просто не умел. Да и не за то ему докторскую степень давали. Это уж точно.

Напоследок доктор наук напутствовал своего опрохвостившегося сыночка фразой:

– Надеюсь, впредь ты избавишь меня от необходимости выслушивать новости о том, что мой сын был изгнан из альма-матер, опозорился, нанявшись в грузчики, да и оттуда был уволен за несоответствие. Подумай, и крепко подумай!

После этой лекции сын был выставлен из дома: восстанавливайся в университете, а папа тебе не помощник из принципа! В таком скорбном настроении Макарка пожаловал ко мне. Он вообще любил являться ко мне со стенаниями и сетованиями. Вот и сейчас...

– Ви-и-инни! – жалобно проблеял Телятников, вваливаясь в прихожку и приспуская на переносицу раздолбанные очки.

– Только не вздумай жаловаться, – предупредил я, и вид у меня при этом был самый страдальческий. Одну из причин моей немилосердной утомленности жизнью Макар узрел тотчас же: из-за моей спины вылетела неугомонная Нинка и закричала:

– О, толстый Макарка пришел! Макарка-бумбурбарка! Ты куда телят гонял? Те-лят, те-лят! – подпрыгивая, запела она, сопровождая немудреную свою песенку пинками. Пинки следовали точно в трясущиеся пухлые коленки Макарки. Телятников вздрагивал и пятился назад к входной двери.

– Так, – сказал я, – Нина, немедленно перестань колотить Макара.

– Он похож на покемона Пикачу! – громогласно заявила Нинка. Не знаю, кто такой этот покемон, но, по всей видимости, сходство с ним Макара давало моей племяннице право гвоздить беднягу Телятникова почему зря. С трудом ее удалось оттащить от Телятникова, и без того траченного жизнью, и увести в спальню, уложить спать. Хорошо еще, что Нинка не потребовала обедать. Ничего, это мучение мне еще предстояло: капризная девчонка ни за что не соглашалась принимать пищу без того, чтобы не устроить форменный торг. По принципу: «А что мне будет, если я съем эту противную кашу?» или «А ты мне купишь „киндер-сюрприз“ и мороженое, если я проглочу этот гадкий кисель?» На мою беду, развитая Нинка недавно сама прочитала «Приключения Незнайки и его друзей», и ей особенно запомнился тот момент, где лежавший в больнице и совершенно обнаглевший охотник Пулька, окончательно потеряв совесть, требовал от обессилевшего медперсонала: а) суп из конфет и кашу из мармелада; б) котлеты из земляники с грибным соусом...
...и тому подобные глупости, которые моя бойкая племянница запоминала с удивительной быстротой и точностью.

Перекрестившись (слава Иисусу, утихомирилась хотя бы часа на два!), я уволок Макарку на кухню, тщательно прикрыл дверь, чтобы никакие звуки не просочились и, упаси

боже, не разбудили девчонку!.. Спросил:

– Ну?

Макарка вытащил из-за пазухи сакраментальную «полторашку» (полторалитровую бутылку пива в пластике) и молча поставил на стол. Разлили. Я сказал с мятой гримасой:

– Я тут опять отличился, Макарка. В общем, с Леной в кафешке посидел, ну и так далее...

– А у меня папа...

Нещадно обменявшись дурными новостями, мы переглянулись и дружно пришли к выводу, что с нами требуется что-то делать. Жизнь пуста и бессмысленна, когда не является продвижением к какой-то четко обозначенной цели. Обнародовав этот постулат, дурно папахивающий семинарскими занятиями по философии, мы стали пить пиво. В конце концов, какие наши годы, а пиво является спасительным, хотя и кратковременным, уходом от действительности. Гм... Макарка долго вертел головой по сторонам и шмыгал носом, видно готовя какую-то неприглядную фразу. Выражение моего лица, верно, не внушало ему оптимизма, но он все-таки сказал:

– Тут вот что. Гм... меня дома сожрут. Я хотел было у тебя пожить пару недель, но тут... этот твой чертенок...

– Это не чертенок, – строго сказал я, с исчезновением похмельного синдрома ощутив в себе прилив семейственности, – это, между прочим, дочь моей старшей сестры. Так что выбирай выражения, толстый. *Чертенок*}... А пожить у

меня... живи, конечно. Но только не жалуйся. Я же до возвращения сестры с моря никуда Нинку деть не могу. И посылать у меня пока что устраивать не будем. Настроения к тому же нет совсем.

– У меня тоже, – пробурчал Телятников, – нужно писать заявление в деканат, чтобы, значит, восстановили на следующий год. Допустили к защите диплома. Хотел продолжить работу над дипломной работой у тебя...

– Потому и пиво приволок?

– А ты прямо так отказывался! К тому же я у тебя все равно диплом теперь писать не буду: Нинка уже одну главу на самолетике переделала, когда, помнишь, поджигала и в окно пускала...

– Да уж конечно помню, – отозвался я. – Я эту ее выходку еще не скоро забуду. Чуть соседей под нами не спалила. За ней вообще глаз да глаз нужен, а тут еще ты, да у меня самого проблемы... Ленка вот замуж за кого-то собралась, так и не сказала.

– Замуж собралась?.. – поднял голову Макарка. – Это... я уж тебе не хотел говорить... но раз ты сам поднял эту тему...

Я свирепо раздул ноздри и выговорил:

– Только не вздумай мне ляпнуть, что она ЗА ТЕБЯ замуж собралась!

– Да где уж нам... – уныло продолжал самобичевание Телятников, разливая остатки пива. – Я... это самое... как к тебе шел, видел... она, значит, идет, и... с ней...

– Что видел?! – почти заорал я, вскакивая с табуретки и с грохотом опрокидывая ее на пол, совершенно пренебрегая возможностью разбудить Нинку, еще недавно казавшейся дамокловым мечом, зависшим над нашими буйными головушками. – С кем ты ее видел?!

– Она шла с каким-то парнем, лет под тридцать ему, наверно, – сказал Макарка, и его круглое лицо поплыло у меня перед глазами в каких-то длинных, тоскливых серых полосах с мутно-молочным отливом; чахлыми льдинками растаяли очки. – Здоровый такой парень, в костюме строгом... Сели в машину, черная, кажется, «бэшка» пятой модели, что ли... Уехали. Ленка такая счастливая. Смеется.

Я молча допил пиво. Смеется. Смеется она... А чего ж ей не смеяться? Что, все морально-этические константы должны предписывать ей пост, воздержание и скорбь? Что ж ей, говоря нормальным языком, впадать в депресняк из-за какого-то долговязого оболтуса, который метнулся из подъезда, как заяц, завидев приближение грозного арьергарда – Лениной матушки?.. В конце концов, у того парня, с которым она сейчас... с которым она сейчас шла, – у него, конечно, устоявшаяся жизнь, прочная работа, достаток, хорошая квартира, перспективы на будущее. Он может предложить Елене многое. Да она, верно, и достойна спокойной жизни. А я? Покой нам только снится, как говорил Александр Александрович¹, тоже не самый уравновешенный и благополучный

¹ А.Блок. «На поле Куликовом». – Здесь и далее примеч. автора.

в быту человек! Неопределенная ситуация с образованием, с универсом, неустроенность быта, да и деньги, черти б их!.. А скоро, наверняка, ко всему этому прибавится и расшатанная нервная система.

Стоять! Спокойно, гладиатор пивных бутылок! Такими темпами, конечно, прибавится. Если буду ныть и причитать на манер древнерусских плакальщиц, – сезонная депрессия и общая подавленность обеспечены. Я стиснул зубы. Наверно, стоит ожесточиться, нет?.. Или просто пожелать девчонке счастья, заочно, не доставая звонками, заведомо обреченными на короткие гудки в трубке?

– Ладно, больше не будем об этом, – быстро сказал я, – она мне сама вчера все сказала, так что все честно. Я, правда, вчера немного занудствовал.

На этом разговор о Лене завершился. Мы перешли к теме университета. Речь зашла о том, что нужно устраиваться на работу, поскольку до возможной (если допустят) защиты диплома оставалось еще больше года. Оба пришли к неутешительному выводу, что работу следует найти как можно скорее, поскольку я вообще жил один, а Макарку после его выходок едва ли сподобятся проспонсировать родители. Макарка попытался сузить спектр поиска работ. Заявил, что ни за что не пойдет в грузчики, а также – ни в коем случае! – репортером в газету, поскольку там такая же собачья работа, как у героев складских помещений, чьим коллегой еще недавно являлся гражданин Телятников.

Я еще не знал, что ближайшей неделе предстояло стать свидетельницей великих свершений. Первым таким свершением стало потчевание проснувшейся Нинки свежесваренной манной кашей. Она отбивалась так, как будто я кормил ее компостом, поджаренным на скипидаре. Впихивание в нее чая со сладкими плюшками прошло более гладко, но Макарка все равно получил по носу острым детским локтем, а я отделался порванным рукавом и прокушенной в районе запястья рукой. Впрочем, ничего страшного: моему тезке Илье Муромцу тоже пришлось несладко в спарринге с Соловьем-разбойником. Хотя этот свистящий негодяй, деклассированный элемент из былин, вероятно, и был просто-таки смиренной царевной Несмеяной на фоне моей боевой племяшки. И так каждый день, и так одной строкой.

Следующее свершение следует преподнести в более подробных деталях. Именно после него развернется цепь удивительных событий, которым суждено прерваться только на самой последней странице этого повествования, начавшегося в общем-то уныло и неспешно.

Час довольно поздний.

Мы с Телятниковым возвращались после одного из собеседований, на которые мы ходили с похвальной старательностью. Собственно, оказалось, что поиск работы не такой уж и многотрудный и изматывающий процесс, как мы себе нафантазировали. И что можно найти вполне приличное место – конечно, если являться вовремя и не злоупотреблять дове-

рием работодателей. Вот об этом-то и говорили мы с Макаром в тот момент, когда возле 3-й городской больницы, специализирующейся вообще-то на хирургии и травматической ортопедии, встретили трех сумасшедших стариков.

3

– Отдай, старая скотина!

– А ты что на меня уставил свои полуслепые зенки, думаешь, я тобой очаруюсь, шут гороховый?!

– Сам ты горрроховый... отравитель воздуха!..

– Молчи, подагрический козел!

Макарка Телятников толкнул меня локтем в бок и остановился у ограды больницы, за которой и происходила эта замечательная перепалка. Странно только, что никто из медперсонала или охраны больницы не спешил разнять драчун, хотя батальное действие происходило прямо под окнами и не могло не тревожить госпитализированных больных.

Старики, одетые в какое-то странное подобие ночной рубашки, длинные, до колен, балахоны, тузили друг друга под рассеянным светом фонаря. Один из них вцепился в седую бороду своего визави, тот таскал его за волосы на голове, а третий, пожилой индивид, подобрав какую-то дубинку, усердно охаживал ею спины и плечи двух прочих буянов:

– Э-эх... вввот тебе! У-ух!.. А вот получи!!! А вот тебе, старый плешивый упырь!

– Да чтоб навечно согнуло в дугу твою дряхлую... вр-р-р... трясущуюся спину! Да поразит тебя маразм! Издохни, грешный варикозник!

– С твоим радикулитом я вообще не разгибался бы, старая ты колода! Вот и покойный отец...

– Да если бы он при твоём рождении н-не был так пьян после бражничанья... так перехватил бы он твою дохлую утиную шейку и удавил бы!.. Ы-ык!!! Гангррррена ты гнойная! Диспепсия дохлая!..

– А вот тебе, пожиратель диетических бобов! А вот еще – за вшивость! (Удар дубины, выбивший сноп пыли из спины старикана.) А вот за косоглазие! (Два удара.)

– За артрит! (Треск кулака, вплепившегося в челюсть.) За энцефалит, водянка ты безмозглая! (Сочный такой пинок!) З-за...

– От педикулеза слышу!

Вопреки этим безапелляционным утверждениям, выявляющим изъяны в физическом здоровье старикашек, выглядели Они очень даже прилично. Думается, все эти «за артрит!», «за вшивость!» (так напоминающие мне детские «за маму, за папу, за дядю Илью», которыми я сам потчевал Нинку) были разновидностью воинственных кличей, которыми противоборствующие старики поднимали свой боевой дух. Телятников наблюдал сквозь прутья больничной решетки с явным интересом.

– Так, – злобно сказал я, – так и будем любоваться шоу

этих старых маразматиков? Может, они возомнили себя титанами реслинга? Хотя, конечно, такое не лечится...

– Они, верно, нашли какие-то свои методики, – заявил Макарка, хладнокровно наблюдая за тем, как один из старикашек погружает свою охаянную (якобы варикозную) ногу прямехонько в пах соперника. Последний взвыл и ткнулся растрепанной бородой в бордюр. Сверху тотчас же уселся третий старик, самый длинный и самый тощий. Он оседлал своего соперника и принялся награждать его тумачами по затылку и шее. Костлявые руки, облепленные внушительными веснушками и покрытые редкими седыми волосами, так и замелькали в воздухе! При каждом тумаче он приговаривал:

– А вот тебе, скотина!.. А вот тебе, хриstopродавец!

– Н-да, – сказал я. – Лично мне этих... гм... разнимать как-то особо не хотелось бы. Хотя такое зрелище давно видеть не приходилось. Уже с тех пор, как наш престарелый дворник Кукин принял статую Ленина за своего собутыльника и объявил, что тот занял его место в очереди в вино-водочный.

– А вон санитары вышли из приемного покоя, там – круглосуточно, – объявил Макарка и, сложив руки рупором, крикнул:

– Товарищи санитары! Санитары, а? Это ваши пациенты сбежали и буянят, что ли? Они тут все ноги себе переломают. И головы тоже. Хотя с головой у них как-то и так не очень...

– У нас был один знакомый, Коля Морозов, – заметил я, глядя, как санитары оборачиваются, а потом направляются к ограде, – он лежал как раз у вас, в 3-й горбольнице. У него было смещение позвонка. Ему все вправили, он проходил реабилитационный период, на радостях, что его скоро выпишут на волю, напился. И что же? Упал с лестницы и сломал себе руку. А тут, видите ли, не с лестницы навернуться – тут целое побоище. Куликово поле, даже в условиях плохого освещения!

Санитары приблизились. Это были двое здоровенных малых с довольно свирепыми круглыми физиономиями и широкими плечами. Их мощные очертания визуальнo усиливались зеленой больничной одеждой, просторного такого покроя. Характерно, что они прошли мимо старикашек, не поведя и ухом. Не говоря уже о прочих органах, которыми вообще-то полагается разнимать драчунов: руках, ногах и проч.

– Что надо? – спросил один из членов местного медперсонала.

– Так вот же, – кивнул я на продолжающих кувыркаться и осыпать друг друга проклятиями дедушек. – Обратите внимание.

Санитары как-то странно переглянулись. Потом второй посмотрел на своего напарника, на нас и сказал негромко, но чрезвычайно доброжелательно (показывая при этом дынеобразный кулак):

– Знаете что, пацаны. Идите-ка отсюда. Хотя вы не по нашему профилю, мы вас доставим куда следует.

По выражению его лица я понял, что дальнейшая полемика чревата осложнениями. В конце концов, что нам за дело до дерущихся стариканов, если санитары, обязанные приглядывать в том числе и за территорией больничного парка (пусть вполглаза), не считают своим долгом даже прикрикнуть на этих... бородатых спарринг-партнеров?.. Я пожал плечами. Санитары отправились к корпусу больницы, не обращая на нас никакого внимания. На стариканов – тоже. Макара Телятников протянул с легкой ноткой обиды:

– Да не очень-то и хотелось. Пусть себе дальше на асфальте валяются, если это им нравится. Идем, Илюха!

Мы тронулись вдоль ограды, и тут...

– Подождите, юноши!

Голос, дребезжащий, как струйка бог весть чего, льющаяся в жестяной таз. Конечно, несложно было догадаться, из чьей многострадальной среды вырвался этот старческий голосок. Я, не оборачиваясь, крикнул:

– Доброго здоровья и успехов в спорте, дедушки!

– Вы по греко-римской борьбе или классической? – поддержал Макарка. – А вот мы – домой!

– Стойте, отроки!!!

Во втором голосе слышалось столько требовательности и силы, что я невольно остановился. Качнулся лицом к прутьям решетки и спросил:

– Ну, и что пили, дедушки? Видать, крепко употребили, раз пух и перья летят. Даже и не зазывайте. Еще драться полезете. А мне челюсть моя дорога.

– Мы не задержим вас надолго, – пообещал третий старик, поднимаясь с асфальта и отряхивая с одежды грязь. – У нас одна просьба к вам. Подойдите сюда, не бойтесь.

– Еще не хватало пенсионеров бояться, – сказал я. – Вы, дедушки, лучше по домам идите, а то к вам вместо нас патруль ППС подъедет, а эти ребята совсем не такие отзывчивые.

– Я вижу, что вы тоже отзывчивые отроки, – безапелляционно заявил старик с подбитым глазом и с бородой, распущенной по всей груди, как обеденная салфетка. Он явно не вслушивался в смысл моей фразы и куковал то, что навеивали ему маразматические течения в голове. – Уверен я, что вы сможете нас рассудить.

– Вы, конечно, нашли удачное место для судебной тяжбы, или как там называются у вас эти петушиные бои, – сказал я довольно злобно и не особо выбирая выразительные средства для высказывания своих мыслей. – Санитары ваши знакомые, что ли? А то они на вас и не посмотрели.

Старики переглянулись. Тот, что пониже и потолще, с разбитым в кровь носом и рассаженым лбом (кажется, это его всадили головой в бордюр!), сказал гулким, словно из бочки, басом:

– Ступайте же сюда. Если поможете, мы вас наградим.

– А еще говорят, что у наших пенсионеров маленькие пенсии, – сказал я, заинтригованный таким поворотом беседы, и втиснулся между прутьями больничной решетки. Более упитанному Макарке пришлось пройти вдоль ограды и перелезть через калитку, в такой поздний час уже запертую. Когда наконец мы приблизились к воинственным старикам, те выглядели уже не такими взъерошенными и кровь с лиц стерли. Старик, старательно сморкавшийся в балахон своего недавнего соперника, приветливо помахал нам узловатой рукой (со ссаженными от удара костяшками пальцев) и сказал:

– Вы – молодые, у вас свежие мозги. Я так чувствую, что вам нет еще и трехсот лет. Вы нас рассудите.

Мы с Макаркою переглянулись. Нет и трехсот лет... гм... Неужели мы так плохо выглядим? Я всегда считал, что как раз внешность у меня приличная. А эти старикашки... Ну что ж! В конце концов, такие старческие силовые аттракционы с пикантными вопросами в финале подвергались нам нечасто. Толстый басистый дед сказал, окинув нас внимательным взглядом:

– Сдается мне, братья, что этим молодцам нет и по двуста годов. Молоды, конечно, но, верно, зорки и сметливы. Слушайте же, юноши. Наш отец завещал нам три диковины, очень ценные вещи, а скончался он так скоропостижно, что не успел указать, какую диковину какой брат наследовать должен. И вот ходим мы по разным землям и пытаемся рас-

судить промеж себя, кто чем владеть должен. Занесло нас и сюда, и вижу я по твоему глазу, бойкому да пытливому, что сумеешь рассудить нас.

Он смотрел прямо на меня. Я подумал, что вся эта седобородая шлеп-компания со своей смехотворной семейной коллизией мне что-то упорно напоминает. Телятников только хмыкнул, а третий дедуля, тот, с писклявым дребезжащим голосом, заявил:

– А мне причится, что и по сту лет нет этим проходим. Но уж больно досадно и впредь биться да ратиться.

– А что завещал вам отец, дедушки? – осведомился я. – Квартиру в центре города, счет в банке или виллу за городом? Или машину с подземным гаражом и...

– Не то ты говоришь, – перебили меня все трое, а самые толстый наклонился к земле и поднял какой-то сундук древнего вида, окованный по углам мутным желтоватым металлом. Телятников, который следил за руками старика, вытаращил глаза. Наверно, в этот момент он готов был поклясться, что до этого на асфальте не было никакого сундука и вообще ничего, что напоминало бы тот сундук. Впрочем, Теляникова легко удивить: даже от дурацких иллюзионистских штучек Дэвида Копперфилда, в просторечии Додика Коткина, он готов изумляться до частичной потери дара речи.

Сундук распахнули сразу три руки: ни один из дедушек, похоже, не желал уступать двум другим честь открыть эту рухлядь. Я осторожно заглянул внутрь и тут же принялся чи-

хоть: в нос ударил целый столб пыли. Басистый старикан, за которым, кажется, признавалось некоторое старшинство, отстранил руки своих собратьев и стал вынимать из сундука:

1) пыльную бутылку с искривленным горлышком, до такой степени перемазанную каким-то серым налетом, что невозможно разглядеть, пуста она или заполнена чем-то хотя бы частично (о том, что в ней, не приходится и гадать);

2) книгу, которую не приняли бы ни в одной библиотеке из-за ее непотребного вида: переплет с какими-то нечистоплотными разводами, желтые страницы, несколько листов торчат из обреза, корешок потрепан и несет на себе лишь остаточные следы какого-то тиснения;

3) нечто, что я сначала принял за огромный дырявый носок, позже оказавшееся головным убором; это какая же должна быть голова, чтобы не побрезговать надеть на нее этот *головной* убор!

– Так, – сказал я, стараясь говорить солидно и строго, – это, дедушки, и есть ваше наследство? Понятно. У моей бабушки был сундук, ключ от которого она не давала никому. Что я только не нафантазировал об этом сундуке!.. Мне даже казалось, что, если я залезу в этот сундук, тотчас же попаду в какую-нибудь сказку. Еще я думал, что там лежит машина времени или бластер, а бабушка казалась мне волшебницей. Когда она умерла, я все-таки открыл сундук. Там была какая-то рухлядь, разные платочки, старомодные платья невообразимой древности, и все это воняло нафталином.

– Верно, твоя бабушка была мудрая женщина, раз хранила при себе ключ от потаенного сундука. А как ее зовут? Возможно, мы передадим ей привет.

Телятников фыркнул. Неадекватность дедушек становилась утомительной. Я махнул рукой:

– Потаенного!!! Вы, дедушки, точно не из стационара? Ладно. И как же вас рассудить?

– Дедушки любят спортивные состязания, – сказал Телятников, уже не скрывая иронического смешка, – рассуди их, как в сказке. Помнишь, в сказках постоянно дерутся три старика из-за отцовского наследства, а какой-нибудь залетный Иван-царевич заставляет их бежать на стайерскую дистанцию. Типа кто первый прибежит, получит то-то, кто второй – то-то, и так далее.

Старички словно знали, что Телятников такое предложит. Они нестройно загомонили:

– Состязание, состязание! Кто первый, кто первый!..

– Ладно, дедки, – окончательно отбросив всякую возрастную субординацию, сказал я. – Сами напросились. Видите вон там – вывеску круглосуточного минимаркета «Продукты»? В трех кварталах отсюда?

– Видим, видим.

– Ну, так вот. Кто первый добежит до мини-маркета, купит бутылку пива и принесет ее сюда, тот получит вот эту пыльную бутылку. Следующий получит книжку, а последний – носок... то есть шапку.

– Это будет бег с препятствиями, – заметил Макарка, который изрядно впечатлился моментом и даже подпрыгивал на месте от снедавшего его любопытства. – Чтобы добежать до того ларька, нужно перепрыгнуть через забор.

– Перепрыгнем!

– Перемахнем!

Писклявый козлетон третьего деда, к счастью для наших ушей, потонул в более мощных голосах его собратьев. Я поднял руку и сказал:

– Значит, старт на счет «три». Ррраз!..

Деды немедленно встали в низкую легкоатлетическую стойку. Душевнобольной вариант братьев Знаменских!..

– Ды-вва!

Один из дедушек дернулся, едва не оформив фальстарт. Не выходя из низкой стойки, второй седобородый конкурент пнул его пяткой в лодыжку.

– Трррри!

Престарелые спортсмены, так легко и непринужденно переквалифицировавшиеся из борцов и кикбоксеров в легкоатлеты, дружно сорвались с места. Они уничтожили расстояние до забора с той хищной быстротой, с какой крокодил пожирает свою добычу. Толстый дедок чуть приотстал, но он компенсировал это отставание тем, что ловчее всех перемахнул через ограду (двух с половиной метров, с острыми бронзовыми навершиями!) и первым спрыгнул на асфальт по ту сторону больничной ограды. Длинный и тощий ста-

рик несколько замешкался, зацепившись своим балахоном за ограду, рванулся... слышался треск разрываемой материи, и старика как сдуло с ограждения больничного парка. Я мельком глянул на Макарку: тот округлившимися глазами смотрел вслед бегунам и машинально расстегивал и застегивал «молнию» своей ветровки. На пятом приблизительно маневре многострадальная «молния» наконец разошлась. Телятников сказал:

– Как ты думаешь, Илья... они лет сорок назад входили в сборную Советского Союза по олимпийскому пятиборью?

– Или даже десятиборью, – отозвался я, озадаченно разглядывая три уменьшающиеся фигурки, уже мелькающие в двух кварталах от нас – Мгм... У меня в школе был такой учитель по природоведению, в старших классах биологию вел... он бы про этих стариканов сказал: «Какой совершенный биологический подвид!» Я того учителя боялся, аж жуть. Мне даже кошмары снились, что он заставляет меня разводить кроликов. Он и сам на кролика... смахивал. Т-такое... мерзкие зубы.

– Биология... Зубы... подвид. А что это ты им про пиво наболтал?

– Я сам, думаешь, понял?

– А если у них денег нет?

– А меня другое интересует... как бедная продавщица будет отпускать пиво трем бешеным стариканам, которые в течение нескольких секунд один за другом ворвутся к ней в ла-

рек... – пробормотал я.

...Они НЕ ВЕРНУЛИСЬ. Хотя по той скорости, какую они забрали на самом старте, расстояние до мини-маркета и обратно должны были преодолеть минут за пять. Даже если бы им упорно отказывались продавать пиво. Или отсчитывали сдачу с тысячи. Каждому. Хоть один-то должен был прибежать обратно!.. Но нет: никого.

Мы переглянулись. Потом Телятников посмотрел в сундучок, стоявший тут же, возле бордюра. Вся извлеченная из него рухлядь, то есть призовой фонд за этот забег, была уже сложена обратно. Я точно не складывал. Но и книга, и бутылка, и шапка-«носок» были там, и теперь сундучок беззубо улыбался нам откинутой крышкой, окованной по краям желтыми металлическими полосами. Макарка сказал:

– А с этим что делать? Ждать этих старперов как-то не фонтан. По-моему, они на самом деле сбежали из стационара. А скорость у них такая, что потому и не догнали.

Я наклонился и вынул книгу. Под слабым светом ночного фонаря перелистнул страницы. Буквы, похожие на увечных, хромых и кривобоких паучков, хаотично выпущенных погулять на желтоватое поле страницы, совершенно не желали связываться во что-то удобоваримое. Я с силой захлопнул книгу, отчего из ее многомудрых недр вышибло очередной сноп книжной пыли. Я чихнул. Макарка уже крутил в руках бутылку. Неизвестно, что предприняли короткие и толстые, но о-очень подвижные пальцы Телятникова, но толь-

ко бутылка вдруг... откупорилась. Телятников тотчас же сунул туда свой нос. Я утомленно ожидал, что оттуда вылетит какой-нибудь высокопарный джинн и начнет излагать длинные и витиеватые постулаты служения нам с Макашкой. После сумасшедшего дня с тремя собеседованиями на предмет работы, после еще более сумасшедших стариканов я готов был допустить любое. Ни-че-го. Конечно, ничего.

– Ничего, – сказал и Макашка и ухмыльнулся.

– Совсем ничего? Они что, с пустой стеклотарой носятся, что ли? – отозвался я. – Ладно, бросай это дерьмо и пошли.

– Ты не понял. Я говорю – пахнет ничего. Винцо какое-то. Мы что-то наподобие пили в «Кубанских винах». С Шуриком Артемовым и Серегой. Бутылка пыльная. Открылась, правда, что-то больно легко. Может, стариканы уже приложились? Да нет, она полная. Гм... странно.

– Ну ты или бросай, или пей, не грей бутылку, – раздраженно сказал я. – Бутылка с искривленным горлышком, «Жан-Поль Шене», что ли? Которое по телевизору рекламируют. Правда, оно безалкогольное.

Макашка вытер рукавом горлышко бутылки и отпил. Он подержал вино во рту, словно желал прополоскать им десны, а потом проглотил.

– Н-неплохо, – нерешительно сказал он. – Пить можно. По крайней мере, портвейн «777» или какая-нибудь там мерзкая «паленая» «Анапа», которую мы пили натошак на первых курсах универа... гораздо хуже.

– Ну, передавай, – сказал я с веселой злостью.

Вино оказалось терпким и довольно вкусным, с глубоким бархатным привкусом, который свойствен прилично выдержанному продукту. Нет, в своей жизни мне приходилось пить и получше. Однако то, что было получше, приобреталось в пафосном ресторане либо ночном клубе, куда я позволял себе заглядывать во время редких финансовых приливов. Обратное меня вышвыривало штормовой волной безденежья, и так далее, и снова по кругу... Ну а тут – ХАЛЯВА! На халяву, как это общеизвестно, сладка и 70-процентная уксусная эссенция. Тут же было гораздо вкуснее...

Я сделал глоток, и другой. После этого моему примеру последовал Макарка. Последовательная нумерация глотков все ускорялась, и когда мы ощутили, что стоим в каком-то совершенно незнакомом месте, даже в общих чертах не напоминающем больничный парк, мы с Макаркой решили приостановиться. В конце концов, нам завтра еще на два собеседования.

– Д-допьем и пойдем, – объявил он и поднес горлышко бутылки к губам. Движимый внезапным темным порывом, я вырвал бутылку у него из рук. Непривычное чувство завладело мной. Телятников попытался что-то квакать, но я не слушал. Я держал в руке эту бутылку, закрыв глаза, и пытался понять, что не так. Не так?.. Ну да! Вне всякого сомнения... к-какое сложное это слово «сомнение»! Вне всякого... с-с-с... с-сом... Эта бутылка тяжелая! Нет, не пото-

му, что она тяжелая, а потому, что она НЕ МЕНЯЕТ ВЕСА! Между тем как м-мы... сделали по десятку глотков, н-не м-мене!.. Я даже чуточку протрезвел, а асфальт под моими ногами, соглашаясь со мною, собрался в добродушные складки. Меня чуть покачнуло.

– М-ма... карррр! – почти по-вороньи вырвалось у меня. – М-макар! Пошли домой! А то такими темпами я завтра на собеседование не попаду!

– Д-да? – искренне удивился Макар и начал закрывать чертов сундучок. Последовательно переставляя ноги, я достиг ограды... Последующее преодоление маршрута «Больничный парк – место моей прописки» было скрыто стыдливым туманом беспамятства. Помню только, что около самого дома мы едва не угодили под машину. Макарка успел отскочить, а меня все-таки немного приложило. Я покатился по асфальту. Из машины (кажется, черной бээмвэшки) выскочил какой-то пафосный индивид и принялся на нас орать. Конечно, у него на то все основания. Если бы я ехал на дорогой машине и мне под колеса ввинтились два выпивших индивида, явно нацеливаясь своими тушками помять мне бампер и ненароком вышибить фару, – я бы тоже разозлился. И тоже орал. Но так как у меня нет машины, я спокойно отослал хозяина авто, ухоженного молодого человека в костюме, по известному адресу, поднялся с асфальта и ввалился в свой подъезд. Благо дело происходило в трех шагах от него. Я едва ли запомнил бы случай с машиной, если бы не ее но-

...Пробуждение было сложным.

Меня разбудила Нинка. Конечно, я и не сомневался, что эта девчонка станет для меня таким аналогом деревенского петуха, будящего всех ни свет ни заря. Она начала пританцовывать рядом со мной, гремя так, что проснулся и Макарка, который спал на полу. Чем она так гремит по полу, тапками, что ли? Так они вроде не деревянные.

Нинка между тем наклонила голову и быстро-быстро затараторила:

– А у меня к тебе этот... приз, Илюшка.

– Какой приз? – пробурчал я спросонок. – Открывала на ночь форточку и простудилась, что ли?

– То есть не приз, Илюшка, а это... сюрприз, – выговорила она. – Я сегодня проснулась рано-рано, начала причесываться и волосы заколкой закалывать, как меня это... мама учила. И вот, знаешь? Мне мама на день рождения олененка подарила.

– При чем тут олененок и мой сон? – продолжал бурчать я и попытался накрыться одеялом с головой. Но одеяло тотчас же поползло с меня, как живое, а потом и вовсе слетело, а Нинка продолжала, комкая в руках край пододеяльника:

– А то, что у олененка есть рожки и копытца. И вот...

представляешь, я тоже олененок?..

– Что за чушь? – пробурчал из угла Телятников, который спросонья был очень ворчлив и терпеть не мог, когда ему мешали смотреть утренние сны. – Можешь ты угомонить свою... эту... пле... пель... мен-ни-цу?

Недоговорив, он сунул голову под подушку и снова захрапел. Я мысленно позавидовал ему: судя по всему, мне самому так легко от этой девчонки отделаться не удастся. Я пошарил под кроватью и, вынув оттуда коробку с шоколадным ассорти, протянул Нинке, сопроводив это жалким бормотанием: дескать, она может кушать эти конфеты, если пойдет в свою комнату и не будет нам мешать спать. Но не тут-то было!.. Обычно эти конфеты вызывали вулканический взрыв восторга, которому уступил бы иной Везувий, но теперь Нинка не по-детски серьезно проигнорировала мое щедрое даяние и, старательно отделяя слова друг от друга, выговорила:

– Ты не понимаешь, Илюшка. Я – олененок, да? Вот потрогай тут, на голове. У меня выросли точно такие же рожки. Только мои лучше, лучше. Ты видел моего олененка, там, у мамы. У него такие же рожки, но мои лучше. Нет, ты потрогай.

Не отвяжется ведь!.. Я протянул руку и погладил девочку по голове. Заколка оцарапала палец. Ну разве без этого могло обойтись?.. Вечно сестра покупает Нинке такие колючие заколки, а я порчу пальцы.

...И вот только тут сон слетел с меня, как минутой раньше слетело движением шаловливых детских ручек одеяло. Я широко открыл глаза. Я протянул вторую руку, чтобы...

И вторая рука нащупала то же самое. Там, на голове Нинки, в белокурых девчоночьих волосах, появилось то, чего не было еще вчера. Я вскочил одним махом, сел на диване, протянул к себе девчонку, легко сломав ее слабое, едва уловимое сопротивление. Я разгреб копну ее непослушных волос и еще долго застывшим остолбенелым взглядом буравил два этих *нароста*. Я плохо разбираюсь в выпуклостях черепа и в анатомии в целом, но даже моих скудных познаний в биологии хватило, чтобы уразуметь *невозможность* этого. Да! На голове Нинки красовались маленькие, сантиметров по пять, чуть изогнутые, можно даже сказать, кокетливо изогнутые – рожки. РОЖКИ! Моя племянница не шутила, выискивая забавные параллели с игрушечным олененком, которого купила ей мать. Забавные – но не для меня же!

– Правда, красиво, Илюша? – щурясь, как от солнышка, спросила меня эта неисправимая девчонка. – Да? Я сегодня всем девчонкам во дворе покажу и даже мальчишкам, чтобы не лезли!..

– Во дворе... – пробормотал я, еще слабо осознавая блестящую перспективу предъявить сестре ребенка, у которого невесть откуда за ночь выросли рожки. Нинка между тем выпрямилась, явно задаваясь и еще более явно гордясь своей, с позволения сказать, обновкой, и заявила:

– Это еще что! Рожки! Рожки много у кого есть. А у меня вот... смотри!

И она подняла свою тонкую, пахнущую душистым мылом и еще чем-то нежно-медовым ножку. Ребенок, моя родная племянница, дочь моей сестры, этот невыносимый и невозможный ребенок, который, кажется, уже отучил меня удивляться чему бы то ни было, – стоял на *одном КОПЫТЦЕ* и радостно демонстрировал мне *второе*. Я медленно взялся за голову и подумал, что в такие моменты виски, наверно, и становятся седыми. Счастье, что мы вчера не пили. Иначе я счел бы себя торжественно осененным первыми приступами белой горячки.

Рожки. Копытца.

Наяву.

ГЛАВА ВТОРАЯ, РОКОВАЯ

Не Леной единой жив...

1

Итак, проснувшийся примерно к обеду Макарка Телятников осмотрел злополучные атавизмы, невероятным, мистическим образом проклюнувшиеся на теле Нинки, и объявил:

– Ну что же, что рожки? (Он скопил ученую мину, скопированную у его папы, доктора исторических наук Анатолия Павловича, когда тот рассуждает о какой-нибудь функциональности этнокультурного сознания.) Всему нужно искать объяснение, – важно продолжал Телятников. – Наверно, переизбыток кальция в организме и сопряженное с этим флуктуативное явление выброса вещества...

Да, вы это уже слышали. Явление выброса вещества! Умник! Я даже выбросил Макарку из окна (как то самое *вещество*), после чего он пошел за портвейном. И, надо признать, я очень благодарен ему за этот поступок, потому что... Ну что еще остается?

Выпив три бутылки портвейна, принесенные Макарой, мы принялись штудировать все энциклопедии и все справочники по анатомии, которые только нашлись в доме. Залез-

ли и в Инет, прошерстили его через все известные поисковики. Собственно, никаких объяснений случившегося, кроме самых абсурдных и откровенно шарлатанских, выудить не удалось. К тому же сам объект исследований, Нинка, крутилась под ногами, а потом начала танцевать на кухне степ. Копытные стуки бильярдными шарами раскатывались по всей квартире... Несколько раз я затыкал уши, чтобы не свихнуться. Девчонка решительно оправдывала самые неутешительные прогнозы, какие даже я, ее родной дядя, не отваживался давать. Чертенюк! Кажется, именно так выразился недавно Макар. И вот теперь – получите: по своей конституции и анатомическим особенностям Нинка и есть маленький озорной чертенюк. С рожками и копытцами. Наличие хвостика я проверить как-то не решался, потому что чувствовал: после созерцания еще и третьего атавистического признака придется бежать еще за одной... Да нет, ОДНОЙ тут не обойтись. Нинка же как будто прочитала наши с Макаром мысли. Она сунула мне под локоть бутылку (уж конечно не преминув хорошенько пролить на мою многострадальную клавиатуру!) и прожурчала:

– А вот, Илюшка. Смешно, правда?

– Да просто ухохочешься! – буркнул я и только тут остановился взглядом на бутылке, которую совала мне племянница. Так... Мысли подпрыгнули и закрутились по хитрой спирали, как пущенная чьей-то игривой рукой юла. Так, так. Макарка принес ТРИ бутылки портвейна. Все три мы выпи-

ли. Сам выкидывал их в мусорное ведро на кухне. *Пустые*. А тут залило всю клавиатуру!.. Я взял в руки бутылку, принесенную Нинкой, и только тут *вспоминаю*... Макарка смотрит на меня мутным взглядом человека, который упорно сожалеет о бренности бытия, и я говорю вслух, отставляя одно слово от другого, так, как если бы каждое писалось с заглавной буквы:

– Где. Ты. Это. Взяла?

– А в сундучке.

– Я же просил тебя не залезать в бабушкин сундук, там плохо пахнет и вообще...

– А я не в бабушкин. Да ты что, Илюшка? В бабушкин я и не лазила уже три дня, – простодушно сказала Нинка. – Там сундучок валяется, в ванной. Вы ж его сами туда бросили, когда вчера воо-о-о-от такие пришли.

И она скорчила гримасу, долженствующую, по ее мнению, продемонстрировать, какими мы с Макалкой явились вчера. Я вскочил из-за стола и бросился в ванную. Макарка остался в комнате и недоуменно потянулся к бутылке...

Нинка была права. В ванной в самом деле валялся сундучок. В моей голове уже всплыли вчерашние злополучные забеги трех стибанутых дедов, прежде чем я вцепился судорожным хватом в ручку двери ванной и повернул ее. Сундучок валялся вверх тормашками, если только это можно сказать о предмете домашней утвари. Его незавидное содержимое лежало тут же: затертая книжка, улыбающаяся мне жел-

тыми листьями, и шапка-венок», повисшая на вентиле смывного бачка. Бутылка УЖЕ была в комнате.

Бутылка!.. Эта странная бутылка, которую мы в экстазе допивали в больничном скверике, да так и не смогли довести начатое до логического завершения!

Я схватил первый попавшийся под руку тазик и бросился в комнату. Макарка уже прикладывал горлышко бутылки к губам. Ну что еще можно ожидать от этого неудачного отпрыска строгих родителей-историков? Не размениваясь на околичности, я просто выхватил у него злополучный сосуд и, запрокинув горлышком вниз, стал выливать содержимое бутылки в тазик. Макарка Телятников следил за моими манипуляциями сначала попросту выпученными глазами, но в молчании, а потом тихо завыл. К исходу первой минуты в его вое стали проклевываться обрывки слов, которые можно было связать в неряшливые, но какие-никакие логические блоки:

– Ну что ж ты это... продукт перево-ди... а лучше бы... да у нас... ну-у-у!.. Илюха, ты зачем в тазик?.. Нет... ну... э-э-э, лучше бы я... того... в Буркина-Фасо родился, что ли, чем такое видеть!..

После этого он замолчал совсем – по причине, которая разъяснится чуть ниже.

– А ты сам посмотри! – ожесточенно сказал я к исходу третьей минуты. – Посмотри, посмотри! Не знаю, что это за чертовщина такая, но только в бутылке, кажется, и не убыло

вовсе. Понял ты, Телятников?

Фамилия прозвучала как ругательство. Макарка ошеломленно пялился на заполненный ДО КРАЕВ тазик и шевелил толстыми губами. Потом он снял очки и стал протирать их с целью изгнать коварный оптический обман, а потом снова водрузил их на переносицу. Бесплезно. В тазике ничуть не убавилось. В темно-красной жидкости, наполнившей таз до отказа, отразилась сначала круглая физиономия Телятникова, а потом веселое, дурашливое личико Нинки, которая подпрыгнула и зачерпнула игрушечным черпачком из этого...

– А ну, вылей! – рявкнул на нее я.

Дите, как обычно, поняло все буквально и одним коротким молниеносным движением опрокинуло таз. О-ох! Только этого еще не!.. Вино ручьями растеклось по полу, впитываясь в ковер и затекая в щели между ободранными половицами. Винный букет густо шибанул в ноздри. Я схватился за голову и кинулся в ванную, чтобы обнаружить там хоть какую-нибудь тряпку. Нрав живущей подо мной соседки, любезной тети Глаши, оставлял мне мало шансов на выживание, если я замешкаюсь хоть чуть-чуть и залью ее. Тряпка, как назло, не находилась, а Макара, ничуть не смущаясь происшедшим, врубил на компьютере музыку и налил себе из неоскудевающей бутылки еще винца.

Тряпку я нашел и даже успел привести пол и ковер в относительный порядок. Но тетя Глаша все-таки примчалась,

прямая и грозная, как неизбежность. Орать начала уже с порога, еще не успев разобраться:

– Пьете? С утра zenки залили? Вон как винищем-то несет! Так ведь вы и меня еще залили! У меня там весь потолок в разводах, все обои отклеились и вообще... Нет, на этот раз ты так легко не отделаешься, скотина, тунеядец! А ну-ка!..

Я не успел отреагировать: проявив стати призового скакуна, тетя Глаша ринулась мимо меня в квартиру, отчаянно следя своими грязными стоптанными сапогами, известными всему дому. В большой комнате она застала Макарку, безмятежно пьющего злополучное вино и листающего органайзер. Из него он намеревался выудить адреса и время двух собеседований, назначенных нам на сегодня. Тетя Глаша вторглась в этот неспешный процесс:

– Пьете? Пи... пи... ете? Все пьете и пьете, бухарики?.. Что уставился, а-ачкарик? А ну берите тряпку и все убирайте! Сначала тут, а потом я заставлю вас... рrrrrремонт!..

Тут ее и настигла карающая ручка Нинки. Племянница подошла к ней и, чуть притопнув ногой и упрямо наклонив вперед голову, сказала:

– Бабушка Глаша, а что вы так кричите? Если у вас запор, то у Илюшки есть клизма. А еще у вас юбка порвалась на боку, и на лбу вскочил прыщик, вот. Хотите, я вам его плоскогубцами выдавлю? Я так у своей собачки, которая живет в деревне, этих... жучков давила.

Тетя Глаша задохнулась. Милая детская непосредствен-

ность была наповал. Я пробормотал на чистом автомате: «Не жучков, а этих... собачьих паразитов... гниды там, вши, блохи». Но не гниды и вши и даже не беззаботная детская речь Нинки так впечатлили злобную соседку, которая не смирила свой свирепый нрав даже после того, как двое ее мужей умерли от инфаркта и пищевого отравления соответственно, а третий бежал из жениного дома из окна, сломал себе ногу, а когда его отправили в больницу, пел песни и хохотал от восторга (мне иногда казалось, что тетя Глаша в родстве с Людмилой Венедиктовной, матушкой Лены). А вот Нинка заставила ее умолкнуть на полуслове. Еще бы!.. Я похолодел. Конечно же! Рожки и копытца! Копытца и рожки! Нинка – босиком, с непокрытой головой стоит перед старухой, чей злой и болтливый язык ядовитей любой гадюки! Точнее, любая гадюка – безвредный кусочек холоднокровного мяса с глазками по сравнению с...

Я уже не думал. Я широко распахнул дверь и заорал, не думая ни о каких последствиях:

– Тетя Глаша, немедленно выйдите! Выйдите вон из квартиры! Вы напугали девочку! Я не позволю издеваться над ребенком!..

В коридор выскочил уже изрядно подогретый Макарка и понес следующую чушь:

– Между прочим, шестой пункт Женевской конвенции об угнетении прав поднадзорных детей гласит, что сенильные психозы старушек старше семидесяти лет не являются при-

чиной для освобождения от уголовной ответственности с целью...

Теперь я думаю, что было тогда в наших глазах что-то *дьявольское*. Нет, не дурацкие псевдоюридические периоды Телятникова и даже не рожки-копытца Нинки заставили несносную старуху завертеться веретеном, скакнуть едва ли не на полметра вверх и горячим сгустком злобы и страха вывалиться в гулкое, сырое жерло подъезда. Еще долго в ушах бухали сапожищи и гремела старомодная, твердая, как жесьть, юбка милой соседушки. Я обессиленно потянулся всем телом и спросил у Макарки:

– Ну что, когда у нас там собеседование?

Он поднял на меня припухшие глаза и ответил:

– Да тут. Н-никак не могу вспомнить.

– Никак не можешь вспомнить, когда собеседование?

– Собеседование?.. – переспросил он. – А, ну да. Нет, не то... Не могу вспомнить.

– Что?

– Да тут одно... Засело, как заноза... Вот характер такой дурацкий: пока какую-нибудь ерунду не вспомню, не успокоюсь. Уф!.. Ладно, как вспомню, так сразу и скажу.

Я молча пошел в кухню.

2

На первое собеседование мы не попали, на второе опоз-

дали и лучше бы вообще не ходили, потому как... Да, впрочем, вы и сами все понимаете.

Мы пытались разобраться в этой дикой свистопляске разрозненных, нелепых, совершенно не соотносящихся друг с другом случайностей. Но, как говорится, нет ничего более закономерного, чем случайность. В связи с этим Макарка, которого окончательно развезло уже на попытке выяснить функциональные особенности шапки-«носка», заявил со своей обычной перекормленной важностью:

– Как говорится, случай – псевдоним Бога. Нет ничего более замотивированного, чем причинно-следственная связь, и звенья этих связей мы и должны с тобой унифицировать...

Нинка дала ему по голове маленькой сковородкой, и он несколько утихомирился.

Я пытался рассуждать логично, насколько вообще позволяло то взъерошенное состояние, в котором я находился. Меньше чем за сутки с нами произошло два экстраординарных события. Бесспорно, между ними должна быть связь, но увидеть и тем более доказать ее я не мог упорно! Три бешеных старика, борца, боксера и бегуна; сундук с дурацким наследством, одной из составляющих которого оказалась чудесная бутылка, в которой никогда не переводится пойло; рожки и копытца, объявившиеся у моей племянницы... И – наконец – волшебное перевоспитание нашей соседки, сразу внявшей уговорам удалиться и оставившей мою квартиру без пяти ударов пустым ведром по ее пустой лысой голо-

ве. И без многоэтажного мата, и без вантуза, присосавшегося к морщинистому лбу, и без... да мало ли! (Все вышеперечисленное предпринимали соседи из различных квартир подъезда, лишь бы только удалить из своего дома эту жуткую мегеру.) Пока что удалось установить лишь третьестепенное условие разбора полетов: без бутылки во всем этом не разберешься!!!

С бутылки мы, как вам уже известно, и начали.

Так как об исчислении выпитого теперь можно было говорить лишь очень приблизительно, мы сделали засечки на тазике. Даже в лучшие университетские годы никогда не исчисляли объемы спиртного тазиками для стирки!

Прежде всего мы с Телятниковым испробовали на бутылке современное моющее средство. После нескольких минут мучений нам удалось отмыть толстый налет грязи, которым она была покрыта. Телятников покрутил бутылку в руках и обнаружил, что она из темного стекла, с тиснением на горлышке. Надпись удалось прочесть, и она оказалась в полном созвучии с нашим рационом: ПОРТВЕЙН 666. Если слово нас устроило вполне, то по поводу цифры возникли разнотолки. Я заметил, что 666 – это число дьявола и что по мне куда лучше портвейн «777», который мы с омерзением распивали только сегодня. Однако Макарка Телятников возразил, что на самом деле 666 – это нумерологическое обозначение имени императора Нерона (Nero), зашифрованное в «Апокалипсисе» товарища И. Богослова.

– А что Нерон? – продолжал разглагольствовать сын доктора исторических наук. – Конечно, в его правление были отдельные недоработки... ну, там зверей не тем мясом кормили... пожарная служба сбои давала... Но в целом всем бы так жить, как при Нероне... так сказать...

– Ну ты, ученая обезьяна, – сказал я ему с самым любезным выражением лица, какое только смог изобразить на нем, побагровевшем от треволнений и возлияний, – не надо меня лечить лекциями по истории Древнего Рима. С бутылкой вроде разобрались. Неисчерпаемый источник вина. Этакая винная скважина... П-персидский залив.

– Ага, – подтвердил тот, – залив zenки, можем п-перейти к следующему предмету. – Нинка, да не цокай ты копытами, а то как дам по рогам... м-м... м-мешаешь сосредоточиться.

– Ну ты, Макарка! – грозно ответствовал я и едва не сверзился с табуретки. – Давно не приземлялся в палисаднике тети Глаши? Она сегодня особенно добрая... Так что придержи язык. С бутылкой разобрались. Шапка нам пока что ничего не дала. Посмотрим тогда книжку.

– Какая-нибудь популярная литературка по выращиванию репы в парниковых условиях или список рецептов от старческого ревматизма, – предположил Макарка, но я глянул на него довольно свирепо, а Нинка повторно треснула моего приятеля сковородой по голове, так что он на своем мнении уже и не настаивал.

– Тут страницы слиплись, – сообщил Телятников.

– А ты ее бухлом не облил?

– Да вроде нет.

– Ну-ка, дай сюда.

Затрапезный вид книжицы не помешал мне установить, что на ее обложке выполнена надпись на вполне читаемом русском языке. Точнее, на какой-то странной помеси современного русского и церковно-славянского. На последнем я съел не только собаку, но и три пересдачи, а схлопотал я их за перевод предложения «Поби мраз обилье»². Я с самым умным и начитанным видом перевел прямо в лицо нашей старенькой, но грозной преподавательнице:

– Я побил много мрази!

Сейчас, судя по ехидной улыбочке Телятникова, вид у меня был не менее *начитанный*. Я прочитал:

– «Словник демиургических погрешностей». М-да. И что это, спрашивается, за брошюрка научно-популярного содержания?

– Каких-каких погрешностей?

– Демиургических. От слова *демиург*. Деми-ург.

– Деми М-мур? Знаю, это актриса такая, – явно дурачась и еще более явно – дурачась не ко времени, сказал Телятников. – Ты думаешь, Винни, что...

– Я думаю, что ты, Телятников, останешься у меня без закуски, – пригрозил я и показал ему кулак. – Серьезная литература у дедов.

² Мороз побил урожай (старослав.)

Телятников стал в третью научную позу своего батюшки, поправил очки и стал вычитывать:

– ДЕМИУРГ. Слово греческого происхождения, означающее «мастер, ремесленник». В философии Платона, на которой я завалился на экзамене, обозначает персонифицированное непосредственно-творческое начало мироздания. Короче, божество-творец, лепящее мир из первичной материи по вечным образцам. Видать, три наших старичка и пофилософствовать любят. Это надо же такое... «Словник демиургических погрешностей», издание третье, типография Небесной канцелярии, дополнительный тираж. Хе-хе...

Я листал книгу, не обращая внимания на энциклопедические выкладки Макарки. Демиургические погрешности... гм. Это что имеется в виду? Что-то вроде «сделать хотел козу, а получил грозу»? В общем, как поется в песне: «Даром со мною мучился самый искусный маг»? Думай, Винни, думай! Пусть хоть лопнет башка, а ты должен понять, что значат эти чертовы значки, которые писали даже не курам на смех! Потому что ни одна уважающая себя курица даже самой корявой своей лапой такого кошмарного почерка не выработает, не добьется! Теперь по существу. Вне всякого сомнения, книга написана преимущественно на церковно-славянском. Правда, попадаются страницы и на латинском, а самые кошмарные фрагменты, в которых вообще ничего не разобрать, – это, по всей видимости, древнееврейский. Какое вавилонское смешение языков!

Я захлопнул книгу:

– Черт бы побрал этих старых пердунов! Ну ничего. Я все равно прочитаю ЭТО, если потребуется.

– Давай лучше носок потерзаем, – отозвался Макарка. – Может, подбросит что-нибудь конструктивное для решения этой головоломки с Нинкой.

Носок (то есть третий предмет, тот *головной* убор) немедленно оказался в руках Телятникова, потом перекечевал ко мне. Я покрутил его в руках, потом надел на голову. В таком виде я был похож то ли на гнома-акселерата, разросшегося не в традициях своего мелкокалиберного народца, то ли на чрезвычайно аккуратного бомжа, только что вынырнувшего из мусорного контейнера по месту прописки. Собственно, это ничего не дало. Шапка как шапка. Постирать бы ее точно не мешало, а вот никаких других мыслей касательно этого предмета «наследства» – ну не было. Да и вообще... даже в секунд-хенде таких унылых раритетов не держат. Я переброемил шапку обратно к Телятнику и подумал, что все-таки «Портвейн 666» оказался наиболее полезной частью, оставленной отцом тем трем старичкам. А коли так...

– Не грей посуду, передавай сюда, алкаш!..

А еще через два дня я услышал разговор, который все, решительно ВСЕ в моей жизни вздыбил, перевернул, поставил с ног на уши, или даже не на уши, а на кончики вставших торчком волос! Хотя что грешить – сам разговор был только отправной точкой, а в дальнейшем мне следует винить ис-

ключительно себя самого.

Итак...

Вечер. По оконному стеклу размазываются утомительные городские сумерки, никнет к земле, остывая, серая пыль прошедшего дня.

– А у Лены через три дня свадьба, – вдруг услышал я под окном. Я дернулся, как ткнутый иглой, и судорожно потянулся к окошку. Там стояла тетя Глаша и, крутя полупустой авоськой, *мирно* беседовала с Людмилой Венедиктовой Лесковой.

– Что там? – спросил Телятников почему-то шепотом. Наверно, у меня стало нехорошее лицо, да и побледнел я, как скатерть, припорошенная к тому же мукой, потому что он отстранился к стене. За стеной раздался веселый цокот Нинкиных копыт, и я медленно, глядя куда-то в пол, ответил:

– Слет ведьм.

Макарка смотрел на меня, мучительно сморщив лицо. Потом хлопнул себя рукой по колену и воскликнул:

– Вспомнил!

– Что вспомнил? – мутно выговорил я.

– Ну как ты сказал про ведьм, так я и вспомнил... Помнишь того парня, который нас чуть не сбил? Ну, этого, на черной иномарке... ты еще его послал на...

– Я помню, куда я его послал, – нетвердо прервал его я. – И что?..

– Да то! Я вспомнил, кто это такой! Этот парень на ино-

марке – тот самый тип, с которым я видел твою... то есть... в общем, с которым шла тогда Лена. Наверно, она за него и замуж выходит, да. Гм... Это... Бывают же такие совпадения, правда, Винни?

Я смотрел на его виновато улыбающуюся физиономию и только через минуту ответил:

– Я так думаю, ты очень удачно выбрал время, чтобы сообщить мне эти успокоительные сведения.

3

До сих пор не понимаю, какой именно черт дернул меня отправиться на свадьбу Лены. Несколько позже я устроил подробный расспрос упомянутых чертей, применяя меры воздействия с о-ох каким пристрастием. Но тогда, в тот солнечный апрельский день, пропитанный молодой клейкой листвой и щедро залитый юным весенним солнцем, – я до конца не проник в те темные силы, что сподвигли меня отправиться на эту свадьбу. Что касается *темного*, то в цветочных характеристиках причин, доставивших меня на свадебный банкет, точно установлена лишь одна: **ВИНО** было *красным*. То самое вино из бутылки с тройной шестеркой, из никогда не иссякающего источника, как установили мы с Маркой – с неким подобием удовлетворения и с мурашками по коже!..

Конечно же все дни, истекшие с того времени, как у Нин-

ки выросли рога и копыта, мы занимались распитием.

Итак...

– Сегодня у Ленки свадьба! И я!.. ийя-а!..

На первой отметке на краю тазика я еще порывался надеть праздничный серый костюм-тройку, чтобы, будучи неприглашенным, хотя бы внешним видом не выбиваться из стройных рядов этих проклятых гостей! Позже, когда вино убыло и его уровень достиг следующей отметки, предпоследней, я оставил эту мысль. Объявил ее типичным пижонством и, высунувшись в окно, на весь двор заявлял, что никто не сделает из меня рафинированного метросексуала (цитирую в точном переводе). Когда я торчал из окна, Макарка поощрительно хлопал меня ладонью по спине и в очередной раз напоминал, что завтра мы оба должны выйти на работу.

Короче, я отправился на банкет, проходивший в кафе с пафосным названием «Нью-Йорк», с намерением отговорить Лену выходить замуж и убедить ее в том, что она делает грандиозную ошибку. Помимо намерений, при мне были двадцать пять рублей, смятая упаковка жвачки, а также Макаркин мобильник и почему-то карманный сборничек кулинарных рецептов «В помощь молодой хозяйке». Что до моей внешности, то костюм-тройка был окончательно отставлен, и я напялил мятые голубые джинсы и серую рубашку с воротом-стоечкой, вышедшим из моды еще в позапрошлом году.

Идя на банкет, я быстро убедил себя в том, что Лена тотчас же поддастся уговорам и, как полагается в иной мело-

драме со слюнявым сюжетом, сбежит со мною с собственной свадьбы. Босиком, потому что туфли будет швырять в новоиспеченного супруга. Кажется, его зовут Видим, припомнил я, и он работает в консалтинговой фирме.

Заручившись всем вышеперечисленным, я и отправился по адресу ул. Чапаева, д. 52, где и находилось кафе «Нью-Йорк». Идя туда, я не осознавал своим невразумительным мозгом, что в банкетную залу направляются уже ПОСЛЕ официальной регистрации брака в ЗАГСе. Торжество я застал в полном разгаре. Шумели гости, гремела музыка, проносились тосты и здравицы. Никогда не пробовали ходить на чужую свадьбу? Особенно когда выходит замуж девушка, которую еще недавно звали своей?.. И не советую. Аттракцион не для слабонервных. И не для выпивших.

Ко мне тотчас же подлетела какая-то разбитная дамочка и защебетала:

– Молодой человек, молодой человек? Вы со стороны жениха, да? Помогите... на минуточку вас, на минуточку!

Я пробурчал что-то невнятное, но, слава богу, к дамочке подлетел какой-то франт с идиотским желтым, в черную крапинку, галстуком, напоминающим разлагающуюся гусеницу, схватил ее за руку и поволок, приговаривая:

– Ну что ты, ну куда ты! Куда ж ты потащилась? Там сейчас молодым что-то будут дарить, деньги и подарки, а потом Людмила Венедиктовна будет говорить тост за молодых!..

– Ы-ы-ых... рrrру-гага... а тепе-е-е-ерь тост!.. – неслось

из залы.

Я остановился, почувствовав, как ноги немеют самым дурацким и предательским образом. В голове почему-то вертелись хрестоматийные строки поэта:

Никогда не забуду (он был или не был)
Этот вечер). Пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре – фонари.
Я сидел и мечтал в переполненном зале,
Тихо пели смычки о любви,
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, ай.

Блок внезапно успокоил меня. Блок меня вдохновил. Одно дело – лежать в луже и, преисполнившись чувства собственного превосходства над кошками и собаками, орать частушку и совсем другое – стоять у дверей банкетного зала, где гуляют гости на свадьбе твоей любимой. Поза, поза!.. Я мельком поймал в зеркале свое отражение и, нарисовав на лице надменную улыбку, влился в торжество.

Самое смешное, что меня даже не заметили. То, что мне тут же нашли посадочное место между какой-то жирной бабой и мелко покашливающим дедушкой в старомодном пиджаке с орденской планкой и даже не спросили, кто я таков, – это еще не *заметили*. Мне наложили полную тарелку снеди

и буквально втиснули в руку стопку с водкой. Я выпил, не почувствовав, и стал наблюдать.

Теперь я уже был спокоен. Да, успокоился, и ни при чем тут водка. Я наблюдал за Леной, за ее женихом... тьфу ты, уже мужем. Да, кажется, Макарка прав: это *тот самый*, который несколько дней назад нас чуть не сбил. То есть сбил, но не до конца. Может, лучше совсем бы сбил?.. Все, хватит! «Сме-е-йся, паяц, над разбитой любовью-у-у!»... тьфу. Ладно. Ну что же, счастья вам. Слава богу, я вовремя осознал бессмысленность моей затеи с «похищением невесты». Поздно, Винниченко, поздно. Да и она говорила то же. И вот теперь она сидит рядом с этим в меру упитанным и, в общем-то, цветущим мужчиной в черном костюме с «бабочкой» и улыбается белозубо и так счастливо, что я начинаю верить. Верю. Да, верно, это и есть оно – счастье. А я, как Чайльд-Гарольд, снова один... Позер, позер до мозга костей, я тут же ощутил пикантность своей новой жизненной позиции и, стиснув челюсти, подумал про себя: вот сейчас я подойду и, гордо, спокойно улыбаясь, пожелаю ей счастья, поцелую в... щечку, а куда же еще? В копчик, что ли? И уйду. Навсегда, навсегда. Наверно, она будет смотреть мне вслед, потому что у меня красивая походка. Между прочим, меня на втором курсе приглашали в фотомodelьное агентство манекенщиком, но я до них так и не дошел своими фотомodelьными ногами Длинной 1, 09 метра каждая. Да!.. Вот я какой!

Я так увлекся темой своей походки, страданий и отвер-

женности, что пропустил два тоста и очнулся только на третьем, когда почувствовал, как острый локоть старикашки с орденскими планками тычется мне в бок:

– Молодой человек, что ж вы не выпьете никак? Хватит? Гм... М-молодешшш! Вот мы, когда вошли в Прагу на танках в шестьдесят восьмом, помнится...

«Да я столько выпил за последнюю неделю, что ты утонул бы в этом выпитом вместе со своим ржавым танком, плешивая башка», – подумал я, ровно улыбаясь сначала несносному старикашке, а потом навскидку всем сидящим напротив меня.

Заиграла музыка. Подвыпившие гости стали выдвигаться на танцпол. Краем глаза я увидел, как Ленка в белом платье, уже без фаты, что-то говорит своему Вадиму, смеется, а потом встает из-за стола... Он ее сопровождает. Хотя нет! Она идет одна! Ну что же, вот сейчас – сейчас подойду, поздравлю, и все! Нечего мне делать на чужом пиру, помпезно подсказал внутренний голос. Мы – люди гордые. Я выскочил из-за стола, начисто проигнорировав требование какой-то накрашенной образины немедленно пойти танцевать медленный танец, и направился вслед за Леной. За ней, за ней, не оборачиваясь!.. Потому что если я обернусь, то на этот раз меня точно увидит кто-то из знакомых или родственников Ленки – и смешно и странно, что до сих пор не увидел!

В коридоре я едва не напоролся на Ленкиного папашу. И этот тут, куда же без него! Почтенный Владислав Юрьевич,

с его благообразной седой бородкой и изысканными манерами, в высшей мере соответствует обстановке этого торжества. Хотя никакие бородки и манеры не помешали ему скандально развестись с Ленкиной матушкой, когда дочери было четыре года. Ну что ж, зато теперь он тут, а меня здесь *практически* нет. Я быстро встал к стене, чуть отвернув лицо. Он прошел мимо, не узнав меня. Я быстро пошел по коридору в том направлении, в котором уже ушла Лена. Странно, что он оказался пустынен. Наверно, весь персонал кафе находился сейчас на кухне, подготавливая очередную смену блюд, а гости... да черт с ними, с гостями. Я должен найти Лену. Скорее всего, она в дамской комнате. Я вернулся назад по коридору, постоял тут несколько минут и вдруг сообразил, что здесь – наиболее вероятное место встречи с Лениной матушкой или с кем-то из ее экзальтированных московских тетушек (а их понаехало из столицы аж три штуки, как я уже слышал). Я пошел по коридору, удаляясь от банкетного зала, и вскоре набрел на лестницу. Судя по всему, ею не пользовались, потому что на входе имелась решетка и в петлях висел замок. Правда, он не был заперт. Слабые отзвуки голосов, доносившиеся откуда-то сверху, тотчас же заставили меня насторожить слух. Я поднялся на один пролет и остановился, прислушиваясь к биению собственного сердца и к этим голосам. То, что Лена там, наверху, я уже не сомневался. С кем же она уединилась? С кем-то из гостей, родственников? Такое утверждение следует признать разум-

ным даже барану: тут все гости и родственники. Ну, может, кроме меня – гостем я не был, так как меня не приглашали, а стать родственником милой семьи Лесковых так вот и не сподобился. «Совершенно верно изволите рассуждать, Илья Владимирович, – сказал какой-то ехидный голос внутри меня, – осталось выяснить, кому же из представленных в кафе гостей и родственников Елена Владиславовна изволит давать аудиенцию!»

Я стал подниматься.

Последняя площадка лестницы была самой просторной, размером с небольшую комнату. Отсюда открывался вид из окна на задний двор кафе и гаражи жильцов соседнего дома. Вот у окна-то и стояла Лена. Не одна.

С мужчиной.

Она стояла вполоборота ко мне и смотрела на него, чуть приоткрыв рот, а я видел его широкую спину и слышал негромкий, чуть присвистывающий злой шепот, которым он что-то горячо ей втолковывал. У нее было бледное лицо, брови ее чуть приподнимались, когда он делал паузы... Но как ни силился, я никак не мог расслышать, что же он ей говорит. Хотя стоял всего в нескольких метрах от них, пролетом ниже, прислонившись к стене так, чтобы они не могли меня видеть. Выглядывал...

Потом заговорила она – срывающимся звонким голосом: – Я не знаю, о чем ты... Ты не боишься, что я сойду с ума? На моей собственной свадьбе? Ты... ты мучаешь меня. Не

надо. Уходи. Уходи, я уже определила, что мне надо... что мне надо от жизни. Нет... не так. Н-не то. Но все равно – уходи, уйди... я прошу тебя, умоляю! Если ты в самом деле... как ты сказал снова... если ты в самом деле любишь меня...

– Лена, – чуть повысив голос, прервал ее мужчина, и это было первым словом, которое я внятно разобрал в его речи. Но оно же оказалось последним, потому что я потерял и слух, и дар речи, и – на несколько мгновений – даже ориентировку в пространстве. И вынужден был прислониться спиной к стене, потому что у меня началось романтическое головокружение, о которых пространно пишут в дамских крупнотиражных сочинениях. Как!.. Она говорит ему ТО ЖЕ, что и мне тогда! Теми же словами, с теми же интонациями, с той же влажной мольбой в глазах. Ах ты, лживая!.. Подлая! «Не мучай меня, если любишь»! У нее что, заранее заготовленный набор слов вроде содержимого косметички? На собственной свадьбе... на собственной свадьбе она уединяется с каким-то мужиком в дорогом сером костюме, вышоченный такой бугай, покрупнее даже ее Вадима!.. Конечно, где уж мне с моими мослами и жалкими семьюдесятью восемью кило до ее воздыхателей! Тушка под сто у этого, да и у Вадима не меньше девяноста будет! Такими темпами Лена и до бегемотов дое... Без матерщины тут явно было не обойтись, но в этот момент я и матерные слова заглотил, как глупый карп наживку. Потому что она вдруг обвила его голову

обеими руками и притянула к себе, он и пикнуть не успел, как задохнулся...

Конечно, смотреть на это я не стал. Лестница горела под ногами, стены пульсировали, словно переборки чьего-то натруженного гигантского сердца. Я добрался до решетки и коснулся холодных металлических прутьев лбом, горячим, с пробившейся испариной. Нервничая, я вообще потею, как в бане. Потекло по вискам, по щекам. Или я еще и плакал?.. Слезливый неудачник, который явился на свадьбу к бывшей любви, чтобы поправить ее с законным браком, и тут же напоролся на нее в объятиях *еще одного?*..

Я вытер лицо и виски рукавом рубашки. Все равно ее стирать, проклюнулась ну совсем уж неуместная мысль. Хотя тазик занят... В нем вино. Этот «Портвейн 666», с которого, кажется, и началась вся эта чертовщина! Хотя что я путаю кислое с пресным? Какое отношение имеет обычное женское коварство Лены к паранормальной веселой жути вокруг Нинки и тех трех старичков с их злополучным наследством?

– Это еще не конец! – вдруг внятно сказали наверху. Почудилось? В последние дни я не поручусь за трезвость своего рассудка и вменяемость всех пяти чувств. Эхо глухо царапнуло по стенам. Нет! Не показалось! Не знаю, какая сила сорвала меня с места, но уже в следующую секунду я одним огромным тигриным прыжком преодолел целый пролет.

Через несколько секунд я был уже ТАМ.

Теперь Лена была *одна*. Но ее одиночество никак не могло

порадовать меня, и припасенные к такому моменту поздравления использованы не были: язык просто пристыл к гортани.

Она лежала на полу, и на белой ткани ее подвенечного платья расплывалось, разрасталось кровавое пятно. Створка окна была приоткрыта (это я углядел чуть позже), и легкий ветерок шевелил прядь волос над ее лбом.

– Лена!!!

Прямо под ее левую грудь был засажен нож. Нож? Я наклонился и увидел, что это... сосулька, в самом деле напоминающая нож. Орудие убийства начало таять на моих глазах.

– Лена! – повторил я, падая возле нее.

У нее сделалось белое лицо, губы, с которых ее убийца стер своим поцелуем помаду, – восковыми. Она слегка шевельнула ими:

– Иэм... пы...

– Что? Кто он? Говори! Говори же! Никогда бы не спросил и ушел, но теперь... кто ОН?!

– Зачем... ты... – выговорила она. Я приподнял с пола ее голову:

– Подожди! Не надо! Я... позову п-помощь!

Слабая улыбка скользнула по ее губам, и, чтоб мне сгореть в аду вместе со всем его личным составом чертей и дьяволов, почудилось мне, что ее бархатные глаза тоже улыбаются печально и нежно:

– Не надо... ничего. Зачем... ты... при... пе-ре... о... о... о...

– Зачем я пришел... приперся? – пытаюсь угадать, о чем хочет сказать она мне своим уже костенеющим языком, задушенно переспросил я и глянул в ее глаза.

Ничего не успел. Она умерла у меня на руках. Не успел ни узнать имени убийцы, которого она целовала так, как еще недавно целовала меня, и которому говорила почти те же слова. Ни позвать на помощь.

Ни даже поздравить с днем свадьбы. Хотя последнее, как вы сами понимаете, выглядело бы смешным и жутким анахронизмом; нелепостью вроде букета белых роз и заздравного тоста на поминках...

Сосулька растаяла. Последние капли ее впитались в окровавленную ткань, и только тут я понял, что Лене уже не помочь, а еще несколько таких *капель* – и уже не помочь мне самому. Незванный гость, бывший любовник новобрачной, найденный у ее мертвого тела... в лице ни кровинки что у одной, что у другого... Что могут подумать те, кто скоро хватятся невесты и точно так же, как я, в поисках ее придут сюда? СЮДА!

Я хотел поцеловать ее на прощание, но внезапная вспышка жгучего стыда вдруг буквально откинула меня от нее. Паяц! Даже сейчас думаешь об эффектных сценах прощания, *ухода*?.. Только тут я увидел приоткрытую створку окна, через которую, вне всякого сомнения, выбрался из здания

убийца. Я мельком выглянул в окно, и уже одного этого короткого мига хватило, чтобы понять: тем же путем я уйти НЕ МОГУ. Во дворе стояла группа нетрезвых гостей, среди них Владислав Юрьевич, отец Лены. Все они увлеченно переругивались с шеф-поваром и несколькими официантами. Кажется, запаздывало какое-то блюдо, машинально подхватил слух. А это непорядок, стал надиктовывать неуместный назойливый голос внутри меня. Один французский метрдотель закололся шпагой, когда узнал, что опаздывает рыба к королевскому столу³. Шпага... закололся... Мне можно уходить только тем путем, каким я пришел сюда.

Я спустился по лестнице и вышел в коридор, шатаясь, как пьяный. Кажется, когда я пришел сюда, я и был пьяный, а ведь потом выпил еще несколько рюмок водки? Почти не закусывая, э?

Я ведь неоднократно повторял выше, что отношусь к разновидности классических неудачников. Можете принимать это как аксиому. И то, что эта аксиома, было еще раз блестяще подтверждено: я не преминул наткнуться на Людмилу Венедиктовну, выходящую из дамской комнаты, лопни все ее унитазаы!!! Разумеется, несостоявшаяся теща тут же меня углядела. Надо было видеть, как сурово подтянулись ее подкрашенные губы, как подпрыгнул дряблый подбородок! Она молчала, загородив своим немалым корпусом почти весь ко-

³ Достаточно известный факт. Так поступил Франсуа Ватель, метрдотель принца Конде.

ридор и отрезав мне путь к бегству. Конечно же мой вид совершенно не внушил ей доверия.

– Так, – наконец сказала она, – а ты что тут делаешь, а? Наверно, я плохо читала список приглашенных? Или я дура? Сумасшедшая? Ты считаешь меня за идиотку, что ли? Наглец!

Нужно было спокойно согласиться со всеми этими утверждениями, тем более дело именно так и обстояло. Но, видно, я выглядел откровенно растерянным, потому что матушка Лены начала массированную атаку:

– Значит, вот почему ее нет в зале, а? Гости уж беспокоятся: что она, где она? А тут!.. Ты что, ничего не понял? Она вышла замуж за хорошего человека, не чета тебе! И твоей мерзкой рожой тут и близко быть не должно, па-нят-но тебе, ублюдок, скотина, алкаш? Ну, все! (Она запыхтела, как средних размеров бегемот, страдающий одышкой.) Ну, довольно! Лена за тебя все время заступалась, но теперь-то она не будет заступаться, когда тебе, сволочи, наконец-то разобьют моррррдуду!!!

Во всем этом безобразии Людмила Венедиктовна абсолютно права, пожалуй, лишь в одном: Лена теперь НЕ БУДЕТ за меня заступаться. Я мутным взглядом смотрел на гневную матушку. Нет, в моем положении следовало сказать что-либо холодное и язвительное, дескать, шел мимо, зашел в туалет, думал, тут ПТУ имени Полиграфа Полиграфовича Шарикова выпускной бал устраивает... судя по зву-

кам и всему такому... Но вид Людмилы Венедиктовны всегда действовал на меня парализующе. Лена, Лена, девочка моя!.. Я успел выдавить из себя только первый слог имени: «Ле...», а потом мою грудь пережало, словно ее туго затянули бинтами, и я нырнул под локтем Людмилы Венедиктовны. Оттолкнув подкатившуюся сбоку экзальтированную московскую тетушку, бросился к выходу. На ее блузке, кажется, осталось красное пятно, но мне было уже не до того...

Лишь на улице я обратил внимание, что мои руки испачканы в крови. В ее крови. Я машинально поднял обе руки к лицу, и тотчас же притормозила какая-то раздолбанная «семерка». Водитель, вероятно, принял мой судорожный жест за попытку «голосовать» на обочине.

– Куда? – спросил он.

– Никуда... – машинально начал я и оглянулся на «Нью-Йорк», а потом махнул рукой и сказал, глотая слова:

– А впрочем... Давай.

Он что-то толковал про оплату и про адрес, и уж не припомню, что я отвечал. Голову обняло какое-то жаркое облако; разбрасывая искры, с грохотом вращались жернова... а перед глазами распластались какие-то мутные багровые письмена, подмигивающие алыми огоньками.

– В-вези, – сподобился сказать я и тут протрезвел окончательно. Конечно, о своей финансовой мощи, выражающейся двадцатью пятью рублями, я не вспоминал.

Об этом мне напомнили уже тогда, когда подъехали пря-

мо к моему подъезду. Я проигнорировал довольно грубые напоминания о деньгах и вошел в подъезд, даже забыв захлопнуть за собой дверь. Зря я это сделал. Шоферы – люди мало склонные к тонким душевным проявлениям, поэтому его совершенно не касается, какими страстями я обураваем. Он догнал меня уже в подъезде и тряхнул за плечо, а потом, наверно, обошелся бы так, что из меня вывалились бы и чувствования, и страсти, и более грубые составляющие моего организма. Но тут, к счастью, подоспел Телятников. Хоть в чем-то повезло. Он выглянул на вопли таксиста и, застав меня в весьма незавидном положении, немедленно отсчитал шоферу сто двадцать рублей. Оказывается, я договорился именно за столько, хотя он провез меня всего несколько кварталов. По меркам нашего города – чистейший грабеж, но я не спорил. Вялым и раздавленным, как переваренный кисель, я был вытряхнут в прихожку моей квартиры. Макарка, ничего не спрашивая, молча поднес мне черпачок дедовского «трехшестерочного» портвейна, и я выпил одним махом.

После этого я зашел на кухню, выпихнул оттуда Нинку, оторопевшую от столь непривычного обращения с нею, чертенком в юбке, – и выложил Телятникову все. Макарка молча взялся рукою за голову и так сидел на протяжении всего моего рассказа.

– Ты что же это, совсем ничего не замечаешь? – Такова была его первая фраза.

– Честно? – пробормотал я. – Ни хрена... Муть какая-то. Лену убили.

– Так, ясно. – Телятников снял очки, потер переносицу, потом долго протирал стекла. Водрузил оправу обратно и, глядя на меня покрасневшими глазами, спросил:

– Так... а теперь сосредоточься, вспомни и говори, как что было. Из меня, конечно, плохой дознаватель...

– Ничего, найдутся следователи и получше, – мрачно сказал я.

– Типун тебе на язык! Если будешь нюни распускать, тогда найдутся. А так... тебе еще никто ничего не предъявлял. Ну... для начала ответь: ты пьяный был? Сильно пьяный?

– Да я бы не сказал. А как Ленку там увидел... на полу... так совсем протрезвел. Там другое в голове замутилось...

– Значит, не пьяный. Ты пошел за Ленкой на эту дурацкую лестницу и увидел ее с каким-то мужиком. В лицо ты его не видел. Но как он хоть со спины выглядел и как одет был? Постарайся припомнить, не видел ли ты его до этого в зале, где банкет?

– Н-не знаю. Там в зале много кто был. Человек сорок или пятьдесят. Я всех разглядеть не успел, да и не особенно крутился, чтоб меня не засекли эти... Родственнички. А мужик тот... Крупный такой парень. В светлом костюме. Темноволосый. Ростом... высокий, Ленка на каблуках была, а он все равно ее выше чуть ли не на голову.

Макар пошевелил губами, подсчитывая.

– Значит, с тебя тот парень был, так, Илюха? Ростом, говорю, примерно – с тебя?

– Да, примерно. Только он попросторнее меня. Пошире. Да и постарше, я думаю.

– Почему так думаешь?

Я скрипнул зубами:

– Видно, Ленку в последнее время на взрослых потянуло. Вадиму ее под тридцатку или тридцать уже стукнуло, да и тот, на лестнице!.. – Наверно, у меня что-то сделалось с лицом, потому что Макарка всполошенно кинулся к уже известной бутылке и принялся лить из нее прямо в тазик с насечками, а потом мне в рот и снова в тазик.

– И тот, на лестнице, – продолжал я уже спокойнее, но побелели на руках костяшки пальцев, – видно, постарше меня. Солидно выглядит, богато. В плечах меня раза в полтора пошире. (Макарка покосился на мои худые плечи и выставил вперед нижнюю губу.) Где она с ним снюхаться успела?

Больше я не сказал ни слова, потому что Телятников свирепо оскалил зубы и перебил меня:

– Так. Теперь говорить буду я. Ты сейчас весь на эмоциях, под впечатлением... еще бы! Теперь я, спокойно, хладнокровно, с расстановкой. Насколько я знаю Ленку... молчи, Илюха!.. насколько я знаю Ленку, она всегда была девчонка порядочная. С кем попало путаться не станет, с несколькими сразу – тем более. Но нельзя и отрицать того факта, что мужчина должен был быть близок ей, чтобы она в день

собственной свадьбы уединилась с ним в укромном уголке, говорила о чем-то насущно важном, а потом... потом... ну, поцеловала. Вы расстались с ней полгода как. Что ж ты хочешь, милый? Лена девочка видная, красивая.

– Ты же сам говорил, что она с двумя одновременно встречаться не будет...

– Так! Откуда ты знаешь, что тот, с лестницы, не был у нее ДО Вадима? Ну? Ннну?

– Она бы мне сказала, – глотая боль, словно плохую, с комками, манную кашу, выговорил я. – Ведь сказала же мне про Вадима. Она мне даже сказала, что с Вадимом у нее ничего не было. В смысле потрах... п-постели.

– Ладно, – сказал Макарка, – еще по стаканчику... Так. Теперь к главному. Он ушел через окно. Во дворе были люди. В том числе и Ленкин отец.

– Если он туда полез, значит, их там еще не было...

– О, ты уже что-то начал соображать! Это обнадеживающий признак. Ты выходил тем же путем, каким пришел, то есть коридором. Я примерно представляю, как там внутри, приходилось в «Нью-Йорке» бывать. По пьянке, конечно. В коридоре ты и напоролся на Ленкину мамашу. Плохо. Очень плохо. Она, конечно, думает, что единственный человек, который может отвлечь ее дочь от чего угодно, даже от собственной свадьбы, – это ты? Ну, так оно и есть, можешь даже не отвечать. Дочка куда-то отошла, невесты хватились. И тут ты – взъерошенный. Руки вот в крови. Ты хоть этими руками

никого не хватал, когда ноги делал?

– К-кажется, тетку Ленкину... отстранил.

Макар побледнел еще больше. Его круглое добродушное лицо как-то сразу осунулось, заострилось, в чертах лица даже появилась такая острая, неприятная, жалобная угловатость, словно эту толстую физиономию мяли пальцами, стараясь уменьшить в объеме. Он вскочил со стула, суетясь, прошелся по кухне, натываясь на табуретки и мебель. Наконец он напоролся на мусорное ведро, опрокинул его и рассыпал по полу всякий хлам, после чего его передвижения приняли более упорядоченный характер.

– Ты это... вот что, Илюха, – произнес он. – Тебе нужно пока что... занываться где-нибудь. Понятно, Винни? Могут прийти. Улики, улики... Нехорошие такие улики.

– Они что, могут подумать, что это Я – ЛЕНУ? – как нечто невероятное выдал я эту вполне очевидную-наверно, уже для *многих* – мысль.

Макар Телятников молча разлил по последней. Он не сказал, что именно по последней, в тазике оставалось еще много, не говоря уже о том, что в пределах квартиры имелся неисчерпаемый источник поила. Но я понял по его мрачному лицу: это – последняя. На пьянство времени нет. Нет.

– Теперь вот что: бери этот ключ, Илюха, вот тебе триста рублей, последние, лови тачку и дуй до Жасминки, там у меня дача. Я, когда от родителей уматывал, на всякий случай от нее ключ захватил... ну, на случай, говорю, если у тебя вдруг

по какой причине перекантоваться нельзя было бы. Понял? Сегодня у нас 27 апреля, отец туда только на майские праздники припрется, так что у тебя есть четыре дня. За это время я постараюсь что-нибудь придумать, а пока что возьми мой мобильник... я шас туда новую SIM-карту воткну, ее никто не знает еще, я только позавчера к Би-Лайну подключился, а вообще у меня МТС, ну, ты знаешь... Если что, я тебе позвоню, а 1 мая нужно тебе валить оттуда затемно, что ли... Да и нельзя тебе долго у меня-то. Если тебя в розыск поставят, то это значит, менты всех друзей шерстить будут, это уж точно. А я – твой лучший друг, это им мой добропорядочный папаша сразу скажет, точно.

Последние фразы он договаривал совсем уж в сумасшедшем темпе, так, что я не все успевал понимать.

– Но Нинка-то как? – всполошился я.

– Какая Нинка? Какая Нинка?! За Нинкой уж я посмотрю! – взвился всегда уравновешенный Макарка. Обычно ведь это я его пинал, и именно я его пришпоривал и, наоборот, урезонивал. А теперь Телятников забрал бразды правления в свои пухлые руки, и нет никакого резона против этого возражать. Я низко наклонил голову, понимая, что крыть нечем. Да и не хотелось. Тяжело. Пусто.

Макарка между тем ходил вокруг меня и говорил какие-то торопливые, непонятные слова:

– Там, правда, жрать нечего почти что, но в погребке, кажется, еще картошка оставалась и солености разные, варе-

ня... Так что без еды не помрешь, особенно если по пути че-нибудь прикупишь. Сосиски там, сырки какие-нибудь... плавленые.

– Какая еда... сосиски? Какие сы... сырки? – сумбурно ответил я. – Ты еще скажи: книжку почитать возьми, чтоб не скучно.

И тут мой взгляд упал на злосчастный томик из сундучка трех старичков-стайеров. С этим дурацким названием «Словник демиургических погрешностей».

И тотчас же в дверь позвонили.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, ДЕТЕКТИВНАЯ

Такие разные сыщики (-цы)

1

– Черт!! – прошипел Макарка.

– Лучше бы он, – шепотом сказал я, и ноги стали ватными.

Ноги стали ватными, а я сам повалился с табуретки прямо в угол, за буфет, куда-то туда, где давно не ступала нога человека, тем более человека, вооруженного шваброй и мокрой тряпкой. Макарка тарасился на меня, прилипнув к стене и время от времени открывая и закрывая рот. Не знаю, что меня так насмешило, но, не вылезая из своего заповедного угла, я начал хохотать. И что-то холодное, вяжущее, отталкивающе-скользкое проползло по моим жилам.

Позвонили повторно, а потом звонкий голос Нинки прозвучал трубами Апокалипсиса:

– Илюшка, я открою? Можно, я сама?

– Не смей!.. – задуманно выговорил я и начал выползать из угла. – Иди... иди сюда!

Несносная девчонка вошла. Ее темные глазки поблескивали неумным озорством. Она зыркала ими туда и сюда, потом ловко стянула пряник и, сунув его в рот, уже с набитым

ртом спросила:

– А у ваф фто? Вы играете, да?

– Кажется, уже доигрались, – ответил я, – М-ма-кар... и что?

Макар сам посерел и тряс щеками, словно его лицо обратилось в студень. Эти несколько секунд, прошедшие с момента первого звонка, показались нам едва ли не часом. К счастью, мне все же удалось взять себя в руки. Раскиснуть и разъехаться по швам у меня будут все шансы и в милом заведении, именующемся КПЗ, или камерой предварительного заключения. А сейчас, главное, не паниковать. Может, это вовсе и не ТЕ, о ком мы думаем? Мало ли кто может ко мне зайти?.. Ко мне часто кто заходит, особенно во второй половине дня. Я перешел из кухни в гостиную, как будто такой тактический маневр мог что-то изменить. Позвонили в третий раз. Макар и Нинка хвостом следовали за мной, не отлепляясь ни на шаг. Я открыл рот, желая высказать одну интересующую меня мысль, но тут же всякая необходимость в этом отпала. За дверью знакомый мерзкий голосок тети Глаши (я отчетливо расслышал каждое слово, вы же знаете, какая дурацкая акустика в наших домах!) проверещал:

– Да должен он быть дома, товарищ капитан! Тов... кап... да дома он, куда ему деться, у него и девчонка маленькая там, сущее веретено, за ней глаз да глаз! А на днях он меня... Сынок, а что он такого сделал? Украл, да? Спер, и деру? Я всегда подозревала, что он на руку нечист, даром что строит

из себя этого... антиллигента!

Суровый мужской голос советовал тете Глаше до поры до времени помолчать. Ее время высказаться еще настанет. А сейчас тете Глаше лучше отойти от двери.

В сознании собственного величия тетя Глаша высморкалась в платок. Ее время еще настанет, сам товарищ капитан сказал.

Я вытянулся у стены. Сомнений быть не могло: это ЗАМНОЙ. Ну вот, теперь точно: приехали. Конвульсивно я открывал и закрывал проклятую книжку из стариковского сундучка, которая невесть как попала мне в руки. Наверно, уходя с кухни, я машинально взял ее – в момент стресса мне всегда требовалось занять чем-нибудь руки. «Если прыгнуть в окно, как недавно вылетел Макарка, то это равносильно... равносильно признанию собственной вины. Дескать, зачем бежал, если ты невиновен? Хотя у нас в России-матушке невинные больше всего и трясутся. Если тупо не открывать дверь, то они ее вынесут... А что? Запросто. Правильно мне говорили: поставь металлическую дверь, сразу несколькими проблемами меньше станет. Эх! А теперь... А может, они уйдут?»

Спасительная соломинка в виде этой последней мысли, за которую я было уцепился, тут же сломалась. В дверь последовал сильнейший удар, потом еще и еще. Товарищи милиционеры отнюдь не были такими деликатными, как в образцово-показательном народном сериале «Менты». Я закусил

губу и с силой швырнул книгой в стенку.

Тем временем удары в дверь вдруг прекратились. Потом послышался заботливый голос тети Глаши:

– Сынки, товарищи милиционеры. Да что ж вам калечить-ся, об дверь колотиться. Вот давеча тоже в сериале «Разбитых фонарей» видела, как какой-то толстый, Бухалис его, что ли... как грянулся тушей об дверь и давай ее сшибать, да так и повалил! Так тот Бухалис толстый, мордатый, что твой окорок, а вы, сынки, куда как худее будете, да!..

– А не заткнулась бы ты., бабка?! – не выдержал кто-то из славных стражей правопорядка. Тетя Глаша нисколько не смутилась. Она продолжала во все том же верноподданническом духе:

– А зачем вам ломать-то? Он там сидит, стервец, только открывать не хочет. Знать, вину свою чувствует, паршивец. Я вот щас-ка позову Никитку, слесаря нашего, он на раз откроет. Он – рукастый.

– Зови Никитку.

– А, забыла совсем, память уже никакая, сынки, товарищи милиционеры! Я ж совсем запамятовала. Нельзя Никитку. Он с утра сантехнику у Вальки из пятнадцатой квартиры чинил, а как починил, так в глотку залил по самые гланды... Пьянь, что уж там! Профессия такая. Его теперь никаким экскаватором... то есть, я говорю, его теперь никаким подъемным, краном не подынешь, А вот что! Вспомнила! Есть еще одни ключи, не которые в ЖЭКе, оттуда их Илюшка,

паразит, забрал, когда еще наследство оформил бабкино. А другие, у Марьи Степановны, подруги покойной Антонины Никитичны, бабки Ильи этого непутевого. Вот у Марьи Степановны и надо стребовать клю...

– Где твоя Марь Степанна?

– Так в одиннадцатой квартире же.

В то время как любезная тетя Глаша оказывала посильную помощь представителям законности, Макарка Телятников один за другим конструировал планы моего возможного бегства из осажденной квартиры. Какой чуши он только не нагородил!.. Проекты были один другого фантастичнее. Он предлагал мне переодеться в женское платье и в таком виде прорваться через милицейские кордоны. Или залезть по балконам вышестоящих квартир на крышу, перейти в соседний подъезд и... Он тыкал пальцем в пустые пыльные антресоли и рекомендовал мне, сложившись по йоговской методе, спрятаться там, а он завалит меня пустыми пивными бутылками... ведь не будут же, дескать, менты разгребать пустую стеклотару? Я слушал вполуха. Какие антресоли? Какое бегство по крышам?.. Тоже мне, нашел кота в сапогах. Наконец финалом креативной деятельности Макарки стал проект «Отвлекающий маневр»: я прячусь (!!!), он приглашает милицию в дом, строит из себя воплощенную невинность, утверждает, что я вот-вот должен подойти, а сам накачивает оперативничков неиссякающим «Портвейном 666», а потом чуть ли не убеждает их в моей тотальной невинности.

Опера поют хвалу безгрешному и невинно охаянному Винниченко И. В. и сопричисляют к лику святых еще при жизни.

– Вот что, – вдруг жестко сказал я и выпил еще «трехшестерочного» пойла, – я открою им дверь. Вот пойду и открою, понятно? Я ни в чем не виноват, и я никогда в жизни Лену пальцем тронуть не посмел, даже когда хамил ей и смотрел с равнодушной харей, как она от меня уходит! А чтобы убить... Ничего! – Я скрипнул зубами. – Не может такого быть, чтобы не нашли настоящего!.. Этого, с лестницы!!! А если я буду от них бегать, то все равно– всю жизнь бегать не будешь, когда рано или поздно поймают, всех собак на меня и повесят.

И я, сев к столу (едва не промахнувшись задом мимо табуретки), бегло написал следующее:

«Заявление гр-на ВИННИЧЕНКО Ильи Владимировича.

В том, что 27 апреля сего года в кафе «Нью-Йорк», ул. Чапаева, 52, я присутствовал на свадьбе Лесковой Елены Владиславовны и Светлова Вадима Андреевича. Будучи без приглашения, я.. »

– Ты что написал, Винни? – пролепетал Макарка, заглядывая мне через плечо и даже вставая на цыпочки, хотя ему и без того все прекрасно было видно. – Ты что такое написал, болван?..

– П-правду!!

– В «Правду» ты сухари будешь заворачивать, дурень! – выдохнул Макарка и сделал попытку вырвать у меня плод

моего недоужинного литературного таланта, но я откинул его локтем к противоположной стене, где уже сидела, глаза на нас и перебирая листы сундучковой книжицы, рогато-копытная девочка Нина. Я же продолжал строчить со скоростью, которой (в особенности учитывая мое состояние, в том числе – алкогольного опьянения) позавидовали бы иные стенографистки. Я описал все, как было. Буквально за две минуты я испакостил писаниной пол-листа.

«...уверен, что убийца, чьи приметы я описал выше, будет найден в самом скором времени. Илья Винниченко, 27.04.2005». И я расписался. После чего обозрел свое творение в целом. Позже я вспоминал... Почерк был то размашистый, как степной простор, то ковыляющий, как кибитка на раздолбанной осенней дороге. Несоразмерная с другими буква «а» в слове «заявление» напоминала чье-то раздутое от важности брюхо, нижние строки шли почти по диагонали, а фраза *«Людмила Венедиктовна высказала мне свое нелицеприятное мнение о...»* пересекалась с позднейшей тоненькой припиской «я даже ни разу не блевал» практически под прямым углом.

Макарка Телятников сидел у стены с безнадежным лицом. У него даже глаза стали какие-то телячьи, покорные. В душе он махнул на меня рукой. Рано, рано, дружок!..

Как обычно, в самый неподходящий момент встряла Нинка. То есть это я тогда думал, что в самый неподходящий. Сейчас же, по зрелом и ТРЕЗВОМ размышлении, я искрен-

не Полагаю, что если бы не Нинка, то сейчас я именовался бы не именем-отчеством, а строго по номеру, как и положено в колонии строгого режима. Она подошла ко мне, тронула за руку и произнесла медленно, тихо... совершенно вразрез со своей обычной звонкой, громогласной и тараторящей манерой изъясняться:

– Дядя Илюша. Послушай меня.

Я вынырнул из полумертвого оцепенения, оплетшего меня своими костлявыми лапами. «Дядей» она называла меня второй раз на моей памяти. Первый раз – когда в позапрошлом году меня сбила машина и я лежал на тротуаре и пытался разглядеть в траве зеленых гномиков в оранжевых колпачках. Она тогда стояла надо мной и держалась обеими руками за мою голову...

– Дядя Илюша, ты хочешь отсюда уйти? Без меня?

Дети все-таки удивительные существа. Я медленно притянул ее к себе, обнял, погладил по голове, едва коснувшись этих злополучных, а теперь кажущихся такими безобидными и уже родными рожек, и, видимо, хотел сказать именно *это* – о том, что дети уди-ви-тель... Она не дала сказать. Она перебила меня на полуслове и, указывая куда-то в угол, предположила:

– Тогда пойдем вместе. Я туда уже со вчерашнего дня хожу. Я давно хотела тебе рассказать, что на говорящих осликах ездят задом наперед, а на коровок надевают седла и так воюют... но ты все время был пьяный и говорил мне, что я

мешаю и что я чертенок. И что я порвала платье и сожрала печенье...

– Что? – тихо переспросил я, ничего не понимая (а как бы вы на моем месте?).

– Сожрала печенье, – улыбнувшись, повторила она. – Сож-ра-ла. Ты сам так сказал, а потом вы с Макашкой заперлись на кухне и звонили по телефону какой-то телке. Вы ее так и называли: телка. В деревню звонили, да? А если ты хочешь отсюда уйти, потому что тебя хотят обидеть, то пойдем, я тебе покажу. Я сама нашла, сама, правда. Я бы уже показала девчонкам из двора, только ты меня все время в запертой квартире оставлял.

И она, выпустив мою руку, направилась к углу, отгороженному от общего пространства комнаты большим громоздким шкафом конструкции, верно, еще самого Ноя и кучей какого-то хлама: игрушек, коробочек, бутылок из-под пива и минералки. Через хлам Нинка перепрыгнула одним махом и позвала меня уже из-за шкафа:

– Илюшка, иди сюда!

Машинально я поднялся и глянул туда, куда только что нырнула Нинка.

Ее не было.

Я протер глаза: ведь именно этот злополучный орган только что зафиксировал, как девочка в пестром платье перелезает через кучу хлама и заходит в угол. Нинка должна быть там. Но еще раз повторяю: ее не было. Наверно, это уже пере-

бор: в дверь ломятся опера, твоя племянница, как истинный чертенок с благоприобретенными чертовскими атрибутами, исчезает у тебя на глазах... А тут еще и эта проклятая бутылка с никак не желающим заканчиваться бухлом! Бог весть что я предпринял бы в следующую минуту, но в этот момент послышался звонкий смех Нинки, и ПРЯМО ИЗ СТЕНЫ— из вот этих линялых обоев, похожих на местами содранную чешую снулой рыбы, — вдруг высунулась тонкая детская ручонка! Сначала до локтя, потом по плечо, а потом показалась и белокурая головка с задорно блестящими карими глазенками, и вот уже вся Нинка стоит прямо на куче хлама и смотрит на меня, и смеется, смеется!.. Под аккомпанемент ее звонкого смеха во входной двери заскрежетал замок — заскрежетал так, как будто туда всунули по меньшей мере лом или кочергу, а не «родной» ключ, взятый у этой Марь Степанны из одиннадцатой квартиры! Я инстинктивно вскочил и попятился в сторону от прихожей. У Макарки отпала челюсть — и тут Нинка, подскочив ко мне, мотнула головой и потянула за собой:

— Быстрее, быстрее! Ты же не хочешь, чтобы они тебя видели!..

— Спрятаться в углу за шкафом? — пробормотал я. — Прекрасная идея...

И одним шагом я перемахнул через наваленные в углу коробочки и бутылочки, протянул руку, чтобы уткнуться косяшками сжатой в кулак ладони прямо в стену. Нинка чуть

подтолкнула меня в спину – и откуда только взялась сила в ее тонких детских ручонках, – я качнулся вперед и выбросил перед собой вторую руку, чтобы упереться в стену. НО...

...ОБЕ РУКИ УШЛИ В СТЕНУ, КАК В ПУСТОТУ.

И это еще не все. Я продолжал заваливаться вперед по инерции – так, словно никакой стены передо мною не существовало, как будто я подавался в пустоту. Я видел, как приближалась стена, оклеенная этими дурацкими, в желтый цветочек, обоями, и машинально зажмурил глаза, ожидая удара... Удара лбом о бетон.

...Никакого удара. В нос вдруг шибанул омерзительный запах гнили, я открыл глаза и тут же вынужден был закрыть их снова: какая-то зеленовато-бурая жижа тотчас залепила глазные яблоки, склеила ресницы, и я не сразу осознал, что в приоткрытый рот, в нос и в уши мне лезет противный, скользкий болотный ил. Я затаил дыхание и, обретя равновесие, сделал шаг вперед. Следующая попытка открыть глаза оказалась более удачной: передо мной была все та же зеленовато-бурая пелена, но теперь она просветлела и выглядела более прозрачной. Я не без труда развернулся (оказавшаяся меня болотная жижа была вязкой и неподатливой) и увидел, что там, откуда я только что вышел в эту болотную зловонную среду (пока что выразимся осторожно), светился лимонного цвета продолговатый прямоугольник, по контурам так напоминающий маленькую дверь какой-то каморки. С легким зеленоватым отливом – как если бы лимон чуточку

не дозрел. Где я?.. Попытки сделать вдох я не стал предпринимать: ведь этот омерзительный, скользкий, как жабыя кожа, ил мог забить мои легкие, как уже вторгся в уши, в нос и испакостил рот. Я приблизил лицо к лимонному прямоугольнику ВХОДА и, словно через водолазную маску, увидел комнату собственной квартиры, свой стол с компьютером и Макарку рядом с ним. Контуры углов и очертания мебели чуточку колебались и плыли. Нина?.. Не успел я подумать о ней, как лимонный прямоугольник полыхнул короткой вспышкой, и Нина оказалась возле меня. Ее лицо, отделенное от меня слоем полупрозрачной жижи, выглядело все таким же наивно-детским, но теперь я смотрел на нее с опаской и недоверием. Конечно же она сразу поняла, что я сейчас должен чувствовать. Вот и говори после этого, насколько неразумны дети пяти с половиной лет от роду!

– Не бойся, Илюшка! – До меня донесся ее голос, чуть приглушенный, но я слышал эти слова столь же отчетливо, как если бы был на воздухе, а не в какой-то влажной среде, тем более такого отвратительного свойства. Нинка засмеялась:

– Да, тут вонь такая... Как от нашего мусорного ведра, когда ты его по неделе не выносишь. Но это ничего.

Ты что надулся? Ты дыши, дыши. У тебя получится. Я же вот – дышу. Смотри! – Она потянула ноздрями, и, к моему удивлению, у ее носа образовался небольшой пузырек воздуха. Нинка надула щеки и с силой выдохнула, и тотчас же

из ее носа и рта вырвались целые грозди таких пузырьков!

Честно говоря, дыхания мне уже не хватало. В легких разгоралось удушливое жжение, обычное при нехватке кислорода. Чего там!.. Терять мне нечего. Превозмогая отвращение, я потянул в себя липкую и скользкую эту жижу, но теперь она не забила в рот и нос... Каким-то непонятным ухищрением мои дыхательные органы выбирали кислород прямо из ила! Ощущения были не ахти, примерно то же, когда спускаешься в канализацию, где только что прорвалась труба и разлагаются трупы нескольких крыс в придачу. Но не в моем положении быть последовательным и строгим эстетом! Уже освоившись в этой невероятной ситуации, я перевел взгляд туда, куда вот уже, наверно, минуту указывала мне Нинка. Там, в комнате, огороженной от меня лимонным прозрачным прямоугольничком ВХОДА, уже всюю орудовала милиция.

– Ты представь, что смотришь их по телевизору, – быстро шепнула мне племянница.

– Скорее через стенку аквариума.

– Аквариума? Это где рыбки? А, ну да, похоже. Ой, Макарка! Смотри, смотри, Макарка!.. Ему больно, да?

– Да уж не очень приятно... – глядя во все глаза, выговорил я. – Ччеррррт!!!

Макарке Телятникову в самом деле приходилось не сладко. Его сразу же повалили на пол носом вниз и скрутили руки за спиной. Обыскали. Оперативников было трое: низень-

кий краснолицый тип, которого величали «товарищем капитаном» – он был в штатском, – и двое старших сержантов (если не ошибаюсь в погонах). Эти – то ли братья, то ли из одного зоопарка: здоровенные парни с одинаковыми лицами, одинаковыми фигурами и одинаковой манерой поведения. Наверно, именно про таких сотрудников милиции придумали анекдот про разделение труда. Это когда один напарник умеет писать, а второй – читать. Старшие сержанты упруго передвигались по гостиной, вот один уже направился на кухню, а второй ввалился в Нинкину комнату и, верно признав в огромном плюшевом зайце опасного уголовного преступника, ловким приемом повалил его на пол. И пнул вдогонку.

– Та-ак, – выудив из кармана Макарки его паспорт, протянул капитан, – Телятников Макар Анатольевич. Прописан совсем не здесь. Отчего находитесь не по месту прописки?

– А что я там, у родителей законсервироваться должен? – огрызнулся Макарка. – Никуда не выходить?

– Отвечать только на вопросы!

– Пришел в гости. Ну вы же сами знаете.

– На вопросы!..

– Пришел в гости к Илье Винниченко. Дней восемь или десять назад. И до сих пор не ушел. В данный момент проживаю у него. Вторую неделю. Вследствие проблем с родителями. Законом не запрещено. Дверь открыл своим ключом, снял копию с ключа хозяина квартиры, – угрюмым протокольным языком принялся отвечать Телятников, поняв, что

играть в молчанку себе дороже...

– Так. Уже лучше. Симчук, Косорезов, что-нибудь есть?

– Никого в квартире больше не обнаружено, товарищ капитан, – доложили бравые старшие сержанты. Тут же в комнату выдвинулась неизменная тетя Глаша, куда же без нее, и доложила:

– А вся обувка его тута, три пары, я считала. Прячется где-то, вы поищите, сынки!

«Вот сволочь, – подумал я с холодным бешенством, – а ведь в самом деле три пары туфель на весну-осень у меня. И когда сосчитать успела? Надо, кстати, на досуге спросить у нее, куда делись мои семейные трусы в эротический белый горошек, может, она и моему нижнему белью учет каким-то образом ведет!»

– Тэк-с, – сказал капитан. – А известно ли тебе, Телятников, что твой друг подозревается в убийстве?

– Н-нет.

– А видел ли ты его сегодня?

– Да. Утром.

– А во второй половине дня не видел, что ли? Не появлялся он, значит?

– Я... спал.

– Значит, во второй половине дня Винниченко ты не видел, – резюмировал капитан.

– Н-нет, – выдавил Макар. Капитан прищурился, словно готовился выстрелить в бедного интеллигента-недоучку оче-

редным каверзным вопросом и для того выцеливал мишень потщательнее. Неизвестно, сколько продолжались бы мучения Макарки, не угляди проницательный старший сержант на столе листок с моим заявлением, уже вырванный из блокнота и для наглядности прилепленный прямо к нижней части монитора. Он наклонился и, сорвав листок, прежде всего понюхал его. Ну что же, добро, все-таки сыскарь, ищейка. Сержант подозрительно покрутил листок и передал его своему близнецу, наверно, тому, в чьи обязанности входило читать. Второй сотрудник милиции впился в заявление выразительным взглядом гориллы, изучающей банан на предмет его пригодности в пищу. Потом, кажется, приступил к самому процессу чтения. Давалось ему это явно с трудом, могу авторитетно заявить как человек, который в порядке университетской педпрактики провел несколько уроков русского и литературы в школе.

– Товарищ капитан!..

Краснолицый оперативник поднял голову:

– Что там? Дай сюда. Так... так... та-а-а-ак!! Очень хорошо. – И он, вынув какую-то записную книжку, быстро черкнул в ней несколько значков. – Заявление-то любопытное! Да! А вот тут, в этом документе, мой дорогой Макар Анатольевич Телятников, черным по белому написано, что это, э-э, написал не кто иной, как ваш друг, Винниченко. Написал уже после убийства Елены Лесковой, написал здесь, вот в этой квартире! Вот за этим столом, а? А вы говорите – не

видели его тут во второй половине дня! Что ты мне тут яйца крутишь, Макар Телятников? Не хочешь правду говорить про дружка своего, так?

– Я же говорила, что он тут, что никуда голубчик не мог деться, – снова выскочила из-за дверного косяка тетя Глаша.

Все эти в высшей степени логичные рассуждения делали честь товарищу капитану. К тому же он проявил себя как человек, который умеет сразу и читать, и писать, а равно рассуждать и делать из этого верные выводы. Редко в одном сотруднике милиции встречается такой сонм талантов!.. Макарка растерянно заморгал. Капитан встал и, жестом велел одному из старших сержантов остаться с Макаркою, направился со вторым своим сотрудником в комнату Нинки. В проем двери было видно, как оба бравых блюстителя закона выпотрошили шкаф, перевернули кровать и оба лежащих на ней матраца, а потом принялись шарить по тумбочкам, в которые не то что я, а и Нинка с трудом поместилась бы.

Племянница смотрела на деяния расторопного капитана и его помощника с плохо скрываемой обидой. Я даже испугался, что вот сейчас она выпорхнет из нашего невероятного укрытия и набросится на нехороших дядек, которые без видимой причины перевернули ее комнату. К счастью, у Нинки больше ума, чем у нас с Телятниковым, вместе взятых. Это я стал понимать в последнее время.

Капитан и старший сержант, сопровождаемые непрерывно кудахтающей тетей Глашей (откуда только обхождение

взялось?), перешли в кухню. В гостиной остался только Маркарка, сиротливо сидящий на полу у шкафа, спиной к нам, и старший сержант, расхаживающий по комнате длинными деревянными шагами. Он крутил носом и присматривался ко всему с такой подозрительностью, как будто плакат «Queen» на стене и разноцветные корешки книг с какими-то сложными и, главное, разными буквами могли внести решающий вклад в расследование убийства. В книги он потыкал пальцем, особо выделив «Парфюмера» Зюскинда (у-у, там на обложке голая баба нарисована, гы!). После этого книжного обзора он покрутил носом вокруг все того же «квиновского» плаката и сказал:

– Да, херово твое дело, ептыть. (Это он Телятникову.) Тебя бы, волосатый, к нам в камеру, нах. (Это уже – Фредди Меркьюри.) А твое дело, парень, совсем херово. Твой дружок девчонку замочил, да прямо на ее свадьбе. Все улики, ептыть, на это... налицо. Его ее мамаша видела, когда он шел с места убийства, и руки все в крови. Тетку лапнул, блузку теткинину в крови заляпал. Так что ты давай его не покрывай, а то мигом оформим как соучастника, нах!..

Я слушал рассуждения сержанта. Он стоял спиной к Маркарке и произносил свою дурацкую речь. Простая, очень простая мысль пришла мне в голову. Я протянул руку, думая, что она точно так же – в обратном уже направлении – пройдет через прозрачную лимонную преграду. Не тут-то было! Такое впечатление, как будто кончики пальцев упер-

лись в холодную стальную поверхность. Я принажал посильнее. Бесполезно. Но ведь Нинка только недавно ходила туда и обратно!.. И тут она, словно прочитав мои мысли, проскользнула у меня под рукой и снова оказалась в комнате. Я замер. Стараясь ступать бесшумно – попробуйте проделать это сами, если вместо ступней у вас копытца! – она подкралась к Макарке и тронула его за плечо. Телятников вздрогнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.